ТРЕТИЙ ГОД ИЗДАНИЯ

РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТІЯ

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!"...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину.

№ 48 | 15 СЕНТЯБРЯ 1903 ГОДА | № 48

БЕЛЫЙ ТЕРРОР.

Читатели «Искры», наверное, знают уже, какой приговор вынесен был военным судом в Таганроге по делу наших товарищей, судившихся за участие в знаменитой Ростовской демонстрации 2 марта[1]. Теперь ходит упорный слух о том, что приговор этот смягчен и что смертная казнь Браиловскому, Колоскову и Куксину заменена различными сроками каторжной работы. Допуская, что это правда, нельзя не заметить, что и в своем смягченном виде этот приговор отличается большою суровостью. Если никого из осужденных уже не ждет теперь в и с е л и ц а, то многим из них предстоят долгие годы ссылки, тюрьмы, каторги, — что при известных обстоятельствах может быть хуже смерти*. Гг. военные судьи показали себя вполне достойными представителями той политической системы, которая, как удав, душит всю Россию и которой они «верой и правдой» служат... по вольному найму. Но, как ни велико негодование, вызываемое в нас свирепостью царских наемников, и как ни велико наше сочувствие к нашим пострадавшим товарищам, мы нисколько не удивляемся Таганрогскому приговору и уверены, что в будущем приговоры по делам такого рода станут еще суровее. Царское правительство не может поступать иначе. Оно знает, — лучше чем иной революционер ветхого завета, — какую смертельную опасность представляет для него массовое движение пролетариата, и со своей всегдашней неразборчивостью в средствах оно делает все, что может, для того, чтобы остановить или хотя бы только замедлить это движение. Сегодня оно, с помощью агентов т а й н о й полиции, старается создать «независимую» рабочую партию, благородная миссия которой состоит в том, чтобы развращать рабочих и вносить путаницу в их умы, а завтра оно напускает орды я в н о й полиции на мирных стачечников, осмеливающихся настойчиво защищать насущные свои интересы. Сегодня оно сулит пролетариату царскую милость; завтра оно подвергает унизительным наказаниям его сознательных представителей. Сегодня оно вызывает кровавое избиение «жидов»; завтра оно отдает под военный суд участников демонстраций. Оно одновременно пытается сбить с толку, развратить и запугать российский рабочий класс. Оно видит в этом единственный путь своего спасения. Но оно видит также, что итти по этому единственному пути становится с каждым днем затруднительнее. Пролетариат растет и в численном и в умственном отношении. Его почтение к начальству и его страх перед ним исчезают и заменяются любовью к свободе и жаждой борьбы. Его передовые слои дерзко смеются над полицейской сказкой о батюшке-царе, желающем добра рабочим, отвечая на нее дружным криком «Д о л о й с а м о д е р ж а в и е!» И этот дружный крик находит себе сочувствие даже в отсталых слоях рабочего населения, еще недавно совершенно чуждых политики. Противоправительственные демонстрации приобретают все более и более внушительные размеры, и каждая из них, производя сильнейшее впечатление на массу, подготовляет почву для новых, еще более внушительных народных движений. В виду всего этого вполне понятно, что правительство прибегает к крайним мерам. Кары, сыплющиеся на революционеров, уличенных или только заподозренных в содействии массовому движению пролетариата, не могут не становиться все более и более жестокими. Если Таганрогский военный суд только погрозил нашим товарищам виселицей, то очевидно, что недалеко то время, когда правительство не ограничится одной угрозой. Б е л ы й т е р р о р, — вот чем ответит оно на массовое движение пролетариата. Какой же ответ даст революционный пролетариат на белый террор?

Ниже мы печатаем письмо одного рабочего, написанное под впечатлением приговора Таганрогского военного суда. Письмо это чрезвычайно поучительно. Оно показывает, что поставленный нами вопрос естественно возникает теперь у сознательных пролетариев под влиянием вполне понятного чувства негодования, вызываемого в них правительственными преследованиями. «Перед моим взором проносятся последние события на юге России, — читаем мы в письме, — и я ясно слышу стоны и крики избиваемых жертв, слышу свист пуль и шум нагайки, дикие возгласы царских баши-бузуков. Ясно вижу целые потоки крови... искалеченных, избитых и убитых работников и работниц. И после всего этого, после всех этих картин, вихрем пронесшихся в моей голове, я прочел вышеупомянутый приговор над нашими товарищами. Ужас об'ял меня! Опять тюрьма и ссылка, каторга, опять смертная казнь... Перед моим взором встает черная, зловещая виселица, на которой висят наши товарищи, висят борцы за народное счастье... Страшное возмущение и жажда мести охватывают всякого мыслящего, живого и честного человека. Но тут встает вопрос: отомстить! Да, но как и какими средствами»?

Это — тот самый вопрос, на который по-своему ответил уже более года тому назад Качур выстрелом в Оболенского. Его ответ был продиктован ему «разочарованием» в демонстрациях. «Демонстрации мне и моим товарищам были по душе, — говорит он в одном из своих писем, опубликованных в № 10 «Рев. России»[2]. Тут уже

* Статья эта уже была набрана, когда мы убедились, что указанный слух был справедлив. Браиловскому смертная казнь заменена десятилетней, а Колоскову и Куксину — пятилетней каторгой.

борьба! Тут прямо встреча с врагом. Но скоро я в демонстрациях разочаровался и еще больше, чем в стачках. Я думал, что мы на демонстрациях воевать идем, а оказывается, что только подставляем спину под нагайки и головы под кулаки и ружейные приклады... Стыдно мне стало за себя, стыдно мне стало за товарищей. Мы хотим порядок всего государства изменить, а даем себя бить, как самые пропащие люди. Я так полагаю, что, если мы идем на борьбу, то должны бороться, как полагается честным рабочим. И раньше всего мы должны так держать себя, чтобы нас уважали друзья и враги. А враги не только чтобы уважали, но и боялись». С этою целью Качур и вступил в так называемую «Боевую Организацию»[3]. «И вот почему я решил поступить в «Боевую Организацию», — писал он в том же письме: — я уверен, что ей удастся заставить правительство не бороться с нами кнутом и кулаком; я верю, что она добьется, чтобы рабочее и крестьянское движение могло свободно развиваться. Для такого дела никакие жертвы не велики и, если нужна моя жизнь, — я считаю для себя счастьем отдать ее такому великому и святому делу!»

Эти последние слова дышат самоотвержением, но предшествующие им строки показывают, что написавший их самоотверженный рабочий был как нельзя более далек от точки зрения сознательного пролетариата наших дней. Он не полагался на политическую самодеятельность рабочего класса. Он верил, что возможность свободного развития может быть завоевана для рабочего и крестьянского движения только кучкой террористов. Ему было совершенно чуждо сознание того, что политическое — и всякое другое — освобождение рабочего класса должно быть его собственным делом. Только отсутствием этого сознания и об'ясняется то обстоятельство, что он «разочаровался» в стачках и демонстрациях и стал ждать политических чудес от «Боевой Организации». Ответственность за эту наивную веру в политические чудеса падает, конечно, на ту «партию», к которой он пристал, «разочаровавшись» в самодеятельности рабочих, и которая тем охотнее прибегает к громким революционным фразам, чем менее понятны ей действительные условия и практические задачи современного революционного движения в России. Пессимизм Качура наглядно показывает нам, каких поистине печальных результатов должны были бы ждать мы от распространения влияния на рабочий класс гг. «социалистов-революционеров». С другой стороны, жизнь не менее наглядно показала всем, имеющим очи, полнейшую неосновательность этого пессимизма. Качур пришел к тому убеждению, что время демонстраций прошло; мы видим теперь, что, когда у него складывалось это убеждение, время демонстраций только-что начиналось. Качур думал, что, сталкиваясь с полицией, демонстранты могут только «задавать лататы»; теперь ясно, что при подходящих условиях демонстранты могут оказывать ей весьма серьезное сопротивление. Качуру казалось, что демонстрации, «еще больше, чем стачки» направляют наше движение в тупой переулок; в настоящее время становится очевидным, что демонстрации, «еще более, чем стачки», развивают политическое сознание массы и ведут ее на арену всенародного восстания против существующего порядка. В то сравнительно очень короткое время, которое протекло с тех пор, как написаны были письма Качура, массовое движение приняло у нас такие широкие, такие небывалые размеры, что теперь немыслимо никакое сомнение в его будущности, и, вероятно, сам автор этих писем без труда увидел бы теперь, как жестоко ошибался он, приурочивая к деятельности «Боевой Организации» все свои надежды на будущие успехи российского революционного движения. Прежде его пессимизм еще можно было оправдать — с грехом пополам, — неразвитостью его классового самосознания. Теперь и такое оправдание было бы невозможно, потому что теперь даже неразвитые рабочие инстинктом чувствуют великое общественное значение и непобедимую силу своего класса. Вот почему эти рабочие с такою готовностью отзываются теперь на революционные призывы к массовым протестам. К великому ужасу «охранителей» массовые протесты стали очередным вопросом нашей общественной жизни, и очень естественно поэтому, что в головах сознательных рабочих не возникает даже и тени хотя бы самомалейшего сомнения в том, что пролетариат может своими собственными силами отстоять свое собственное дело. Теперь в ответ на вопрос, каким образом можно отомстить правительству, сознательные рабочие, не колеблясь, указывают на усиленную агитацию в массе. Так, напр., рабочий, автор цитированного нами выше письма о Таганрогском приговоре, говорит: «Открытым протестом должны мы ответить на подобные азиатские приговоры и расправы. Мы должны громко заявить в листках, газетах, брошюрах, на улице о нашем негодовании, мы не можем остаться безучастными зрителями. Своими протестами мы будем подрывать почву под ногами наших врагов, будем вселять недоверие и ненависть русского народа к нашему самодержавному кровожадному правительству. Это пока единственный способ дезорганизовать и разбить все враждебные свету и справедливости силы, только так. обр., т. е. такими путями, мы должны отомстить и отомстим!»

Да, товарищ, вы совершенно правы. Негодование должно подвинуть нас на усиленную агитацию в массе. Мы внушим массе горячее сочувствие к жертвам и жгучую ненависть к палачам, и это в самом деле есть единственное средство вырвать почву из-под ног нашего реакционного правительства. Когда масса проникнется этими чувствами, — а по всему видно, что это время уже недалеко, — тогда бессовестной и кровожадной шайке, управляющей теперь нашею страною, останется, по выражению Лассаля, лишь заниматься астрологией, чтобы по звездам определить, в каком именно часу суждено ей погибнуть. Другого средства мести у нас нет, но другого нам и не нужно, потому что это средство — и только оно одно даст нам полную возможность победить наших непримиримых врагов и сбросить с наших плеч «тяжкое иго самовластья».

Если белый террор является естественным ответом царского правительства на возрастание массового движения рабочих, то новый и усиленный рост массового движения рабочих является необходимым ответом революционной социал-демократии на белый террор царского правительства.

Употребляя слова в их истинном значении, мы прибавим к этому, что теперь настоящий красный террорист не тот, кто, вступив в ту или другую «боевую ор-

ганизацию», совершает покушение на жизнь того или другого помпадура, а тот, кто содействует единственному истинному революционному движению наших дней — массовому движению пролетариата. В самом деле, что такое террор? Это система действий, имеющих целью устрашить политического врага, распространить ужас в его рядах. Но из всех неприятных царскому правительству явлений современной русской общественной жизни ни одно не имеет такого опасного значения для него и ни одно не внушает ему такого ужаса, как именно рост революционного сознания в народной массе. Ведь это правительство потому и старается испугать нас высшей мерой наказания, что наша агитационная деятельность доводит его до высшей степени страха. Ведь оно потому и грозит нам, что боится грозной силы массового революционного движения. Вследствие этого революционная агитация в массе и должна быть признана теперь самой страшной для правительства и единственной, в самом деле опасной для него разновидностью терроризма.

Прежде, когда предержащие власти обрушивались на демонстрантов лишь с более или менее чувствительными «мерами кротости и увещания», от казацкой нагайки до административной высылки и ареста включительно, террористическая борьба старого образца была самым рискованным видом революционной борьбы, и люди, бравшиеся за нее, имели репутацию наиболее решительных и самоотверженных деятелей. Их считали как бы героями по преимуществу. Теперь же, когда демонстрации переходят в открытое сопротивление власти, а за открытое сопротивление власти грозит солдатская пуля или смерть «через повешение» по приговору военного суда, наш старый терроризм перестает быть исключительно-смелым приемом борьбы и может считаться исключительным разве только по своему несоответствию с нынешними требованиями целесообразной революционной тактики. Теперь героизм вышел на площадь; истинными героями нашего времени являются теперь те революционеры, которые идут во главе народной массы, восстающей против своих угнетателей.

Но само собою понятно, что эта простая и ясная, как божий день, мысль не укладывается в головах наших революционных старообрядцев, которые до сих пор живут впечатлениями давно и, к счастью, безвозвратно минувшего прошлого. Вот, например, «Революционная Россия», высказавшая в своем 30 № совершенно новую мысль о пользе решительного образа действий, говорит: «Но кто же еще не понимает, что многие, расстрелянные безоружными на мостовой, предпочли бы умереть с оружием в руках в уличной схватке или на баррикаде, в открытом нападении строя на строй или в героическом единоборстве?».

Орган партии, помешавший несчастному Качуру додуматься до определенной классовой точки зрения, очевидно, подразумевает под единоборством тот самый прием борьбы, который мы назвали терроризмом старого образца. Этому единоборству и присваивается у него эпитет героического. «Революционная Россия» «еще не понимает», что начавшееся теперь единоборство рабочего класса с царским правительством открывает несравненно более широкое поле для героизма всякого рода, чем самые смелые и «решительные» предприятия отдельных лиц или групп.

История не знает более страшного терроризма, чем терроризм великой французской революции, который выдвинул на историческую сцену настоящих титанов и «божьей грозой» пронесся над Францией, беспощадно разрушая все остатки «старого режима». Но чем был этот терроризм? Когда он начался? Откуда черпал он свою гигантскую силу? В чем состояла тактика его сторонников? По справедливому замечанию Малуэ [4], он начался 14 июля 1789 года взятием Бастилии. Его сила была силой революционного движения народа. Главной отличительной чертой тактики его сторонников было стремление во что бы то ни стало поддерживать и усиливать революционную самодеятельность массы. Этот терроризм вызван был не «разочарованием» в силе массового движения, а, наоборот, непоколебленной верой в эту силу. Его представители были руководителями французского народа в его героическом единоборстве с соединенными силами европейской реакции. История этого терроризма чрезвычайно поучительна для русского революционера. Но она поучительна именно потому, что непрестанно твердит нам о необходимости подготовлять нашу российскую народную массу ко взятию наших всероссийских Бастилий.

Повторяем, ответом на белый террор правительства должно быть усиление революционной агитации в массе. На этом пути нам придется испытать жесточайшие преследования. Много крови прольется на нем, много товарищей вырвет из наших рядов Молох в полицейском мундире. Но мы не покинем его, так как он один ведет к победе. Держась его, мы можем быть уверены, что силы нашей революционной армии будут постоянно увеличиваться, что на место павших борцов будут становиться новые, все более и более многочисленные рекруты свободы и что мы отомстим царизму, победив его и не оставив в его безобразном здании камня на камне.

[Г. Плеханов]

НОВОЕ ФИЛИАЛЬНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ БУНДА.

Письмо в редакцию *.

Когда возникла последняя война с Китаем [5] и начали мобилизовать Сибирь, а отчасти и прилегающую Вятскую губернию, один вятский Сысойка спрашивал: «Под кем же мы теперь будем: под русским императором или под китайским?» Прочитав резолюцию V с'езда Бунда, я тоже невольно спрашиваю: «Под кем же мы теперь: под Бундом или под Р. С.-Д. Партией?».

Согласно резолюции Бунда, мы имеем перед собою две вполне независимые организации с самостоятельными центральными учреждениями, самостоятельными с'ездами, стоящие друг к другу в федеративных отношениях. Признание Бунда федеративной частью Р. С.-Д. Р. П.

---

* Резолюция V с'езда Бунда встречена таким недоумением и решительным протестом большинства русских сотоварищей, что мы получили ряд запросов и писем в редакцию по этому поводу. Печатаем одно из таких писем для характеристики настроения нашей партии.

само по себе еще не определяет взаимной зависимости «частей». Чтобы понять эту зависимость, чтобы разобрать, где тут часть, а где целое, нужно изучить те права и те функции, которые предоставлены каждой из сторон: чьи права и функции окажутся более широкими, более общими, тот и окажется фактическим представителем «целого», хотя бы номинально и называл себя «частью». Права же и функции контр-агентов лучше всего определить, во-первых, по сфере их влияния и, во-вторых, по отношению их к посторонним элементам (организациям и пр.). Сфера влияния организации обыкновенно определяется районными условиями, при вмешательстве же национальных различий — и условиями языка (как внешнего выразителя этих различий). Посмотрим же, какие права предоставляет в этом отношении Бунд себе и Р. С.-Д. Р. П.

Бунд, являясь организацией только еврейского пролетариата, не связан никакими районными рамками (§ 2), — следовательно, может иметь свои комитеты или агентов где угодно. В то же время Р. С.-Д. Р. П. имеет право выступать от имени всего пролетариата в тех местах, где имеются агенты Бунда, лишь с согласия Бунда, хотя бы это были коренные русские местности, где еврейский пролетариат составляет ничтожный процент. Далее. Бунд имеет право обращаться к пролетариату другой национальности «лишь с согласия на то органов соответственных частей партии». Это значит: в тех местностях, которые еще не охвачены деятельностью партии, Бунд имеет полную свободу действия по отношению ко всему пролетариату, ибо не у кого спрашивать согласия; Росс. же С.-Д. Р. П. не имеет права ни в коем случае обращаться к еврейскому пролетариату без разрешения Бунда даже там, где о Бунде никто и не слыхал (вспомните случай в Екатеринославе!). Так гласит § 8 и примеч. На основании того же § Р. С.-Д. Р. П. воспрещается без позволения Бунда издавать что бы то ни было на еврейском языке, ибо это уже будет «обращение к еврейскому пролетариату», и в то же время «Бунд имеет право на беспрепятственное издание, кроме литературы на еврейском языке, и литературы на других языках».

То же характерное распределение ролей и прав замечается и по вопросу о сношениях с другими организациями. Хотя Бунд любезно обращается к Центр. Ком. Р. С.-Д. Р. П. за разрешением вступать в постоянные сношения с невходящими в партию соц.-дем. организациями (случай, едва ли имеющий практическое значение), в то же время он сохраняет за собой право заводить временные сношения того же рода,—что, понятно, чаще случается и поэтому гораздо важнее,—ограничиваясь лишь «доведением до сведения» Ц. К. Партии о каждом таком соглашении. А теперь сопоставьте с этим § 11: «В случаях необходимости Ц. К. Партии имеет право вступать в сношения с отдельными частями Бунда, но лишь с согласия Ц. К. Бунда». Другими словами: Бунду предоставляются гораздо большие права по отношению к совершенно чуждым организациям, чем Росс. С.-Д. Р. П. по отношению к одной из составных частей ее. «Часть», хотя бы и федеративная, оказывается полноправнее «целого». Где же тогда «часть», где «целое?». Кого правильнее назвать «целым»: ту ли организацию, которая в своей деятельности не связана ни районными рамками, ни рамками языка, которая свободна в своих внешних сношениях с посторонними партии организациями, или же ту, которая и в вопросах района деятельности, и в вопросах языка, и в вопросах сношения с своей же составной частью, и даже в своем элементарном праве выступать от имени Российской С.-Д.

ОТНОШЕНИЯ РУССКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА К БОЛГАРИИ И МАКЕДОНСКОМУ ВОПРОСУ *.

С тех пор как я писал первую статью, в Болгарии и Македонии произошли крупные перемены. Тотчас по своему возвращению из Франции, в начале мая, принц Фердинанд [6] самым грубым образом заставил ультра-руссофильский кабинет д-ра Данева [7] подать в отставку и призвал к власти стамбулистов (остатки партии Стамбулова) — ультра-руссофобов, во главе с любимцем принца, отставным генералом Р. Петровым. Вначале нынешнее ультра-руссофобское правительство об'явило, что будет поддерживать с «освободительницей» самые искренние отношения. Русское правительство, с своей стороны, встретило диверсию принца Фердинанда без всякой тревоги, ибо, как увидим, перемена эта, столь желательная для принца, произошла с согласия русского правительства. И действительно, первое время нынешнее правительство находилось в самых интимных отношениях с русским дипломатическим агентом в Софии: часто в полном составе и во главе с принцем оно чаевало в русском агентстве; шеф правительства, министр-президент, со своей стороны, часто прогуливался с дипломатическим агентом. Теперь, когда я пишу эти строки, отношения, разумеется, несколько иные. С другой стороны, с 20 июля об'явлено повстание в Македонии и Адрианопольском «вилаете» (до Константинополя).

В первой статье я сказал, что отношения русского правительства к Болгарии и к македонскому вопросу самые коварные. Мало того. В продолжение 25 лет русское правительство и его агенты шепчут болгарской буржуазии о «заветных идеалах» Болгарии, об осуществлении «Сан-Стефанской Болгарии» [8] с помощью России. За примерами ходить недалеко. В 1895 г. царь и правительство горячо заверяли депутацию из видных болгарских патриотов, с покойным митрополитом Климентом во главе, посланную в Петербург, — в том, что только «Россия» желает «бескорыстно» помочь Болгарии и что она непременно ей поможет, лишь бы Болгария не слушалась ее врагов. Все эти заявления русского царя и его присных были широко распространены в Болгарии депутацией и руссофилами. В 1900 — 1901 г. был командирован в Болгарию полковник генерального штаба Епанчин с целью произвести тщательный осмотр болгарских войск, снаряжений, вооружений и вообще констатировать боевую готовность болгарского войска. Около того же времени был командирован и чиновник министерства финансов Кобеко с миссией изучить финансы

* См. в № 45 «Искры» статью того же автора: «Македонский вопрос, Болгария и русское правительство».

Р. П., т. е. от имени «всего пролетариата» данной местности, по рукам и ногам связана согласием Бунда. Если считаться с законами логики, — пока еще не отмененными резолюцией Бунда, — то «целым» нужно считать более широкое, общее, и тогда вполне оправдывается мое недоумение: под кем же мы состоим: под Бундом или Р. С.-Д. Р. П.? Бунд ли часть Р. С.-Д. Р. П. или она только филиальное отделение Бунда?

Недоумевающий искровец [В. Орловский]

ПИСЬМО РАБОЧЕГО.

Сегодня я прочел в местных легальных газетах «Донская Речь» и «Приазовский Край» телеграммы о том, что в Таганроге военным судом приговорили трех наших товарищей за демонстрацию в Ростове 2 марта к лишению всех прав и смертной казни через повешение; кроме того, семь человек к разным наказаниям, долгосрочной каторге, арестантским ротам, вечному поселению, тюрьме и так далее. Приговорили их за то, что они осмелились выступить с открытым протестом против гнета и произвола, царящего у нас на Руси. Читая об этом приговоре, мною овладело страстное желание мстить, мстить и мстить, ибо предо мною восстали, как живые, все жертвы, павшие в борьбе с самодержавием за великое дело освобождения русского народа от ига и произвола кровожадных самодержцев. Предо мной, как живые, восстали герои 70—80 г.г.; я вспомнил целый ряд демонстраций, где свободно разгуливала казацкая нагайка, свистела пуля, лилась кровь, раздавались крики, стоны и плач. Я все вспомнил... Потом шли розги, тюрьма, ссылка, каторга, виселица и т. д. и т. д. Вспомнил я еще жертвы той зверской и дикой расправы [10] с голодными крестьянами, которая происходила в Харьковской и Полтавской губ., как их избивали, мучили, секли и ссылали только за то, что они осмелились возвысить голос и громко сказать, что они голодны, что и они люди, что и они есть хотят. Далее я вспоминаю ноябрьские события в Ростове н/Д. [11], Тихорецкой, Новороссийске и т. д. И там были жертвы казацкой нагайки и солдатской пули, в Тихорецке царские слуги и народные палачи врывались в дома мирных жителей, грабили их убогое имущество, убивали и насиловали мирных и невинных женщин, стариков и детей. А вот перед моим взором проносятся последние события на юге России, и я ясно слышу стоны и крик избиваемых жертв, слышу свист пуль и нагайки, дикие возгласы царских башибузуков. Ясно вижу целые потоки крови (по улицам Баку, Тифлиса, Киева и Екатеринослава), искалеченных, избитых и убитых работников и работниц. И после всего этого, после всех этих картин, вихрем пронесшихся в моей голове, я прочел вышеупомянутый приговор над нашими товарищами. Ужас об'ял меня! Опять тюрьма, опять ссылка, каторга, опять смертная казнь... Перед моим взором встает черная, зловещая виселица, на которой висят наши товарищи, висят борцы за народное счастье. Страшное возмущение и жажда мести охватывает всякого мыслящего, живого и честного человека.

Но тут встает вопрос. Отомстить! Да, но какими средствами? Неужели нам надо бессознательно, рефлективно отвечать на зверства наших царских башибузуков? Нет! отвечаю я на этот вопрос, ибо мы должны помнить, что не в их личности дело, что нам надо бороться не против какого-нибудь наказного атамана, по прика-

---

Болгарии и указать средства к их улучшению. Правда, все эти командировки были вызваны принцем Фердинандом, который лез к русскому царю со своими уверениями в неизменной преданности ему — олицетворению «восточной зари». Но все эти царские слуги говорили болгарским патриотам о неизменном «бескорыстном попечении» русского царя о Болгарии. Самый факт командировок уже говорил им, что близок день осуществления «Сан-Стефанской Болгарии» с помощью России. Прошлой осенью, как я уже упомянул, происходили шипкинские празднества с большим шумом и помпой. Много горячих тостов было произнесено на Шипке об «единении славян», о «покровительстве» России, о готовности ее помочь осуществлению болгарских «национальных задач». Военный министр, генерал Куропаткин, говорил болгарскому правительству: «Не жалейте ничего для войска; вы должны каждую минуту быть готовыми». А Яланджи-Паша (Лжец-Паша), граф Игнатьев [9], громил «швабу» самым ярым образом и на каждом шагу, направо и налево, говорил «братушкам» о «великой Болгарии», о «Сан-Стефанской Болгарии».

Между тем, вся эта политика русского правительства чистейший обман. Русское правительство не только не думает помогать Болгарии в осуществлении ее стремлений, но на каждом шагу оно препятствует им и препятствует самым вероломным образом. Как раз тогда, когда агенты русского правительства уверяют болгар в неизменном отношении «России» к их национальным заветам, в то же самое время они в Македонии разжигают и поддерживают словом и делом, морально и материально антиболгарскую пропаганду греков и сербов, разжигают националистическую борьбу между ними. С другой стороны, русское правительство давно пускает в ход все подпольные средства против болгарской экзархии в Константинополе с целью уничтожить или изгнать ее оттуда. Дело в том, что экзархия олицетворение духовного единства всех болгар, олицетворение, так сказать, духовной сан-стефанской Болгарии. Но борьба русского правительства против экзархии — «святыни» для болгарских патриотов — показывает весьма ясно, что политика русского правительства на Балканах вовсе не ставит себе целью помогать болгарам в создании какой-то сан-стефанской Болгарии. Напротив, она весьма ясно показывает, что ее цель уничтожить всякую возможность создания на Балканах какой-бы то ни было более или менее крупной национальной единицы. Русское правительство об'ясняет свою политику против экзархии интересами православия на востоке и посему обещает свою помощь болгарским патриотам в деле осуществления их патриотических стремлений лишь под условием перемещения экзархии из Константинополя в Болгарию. Разумеется, все это — обман. Несколько лет тому назад, вслед за примирением

занию которого уже повешены трое за убийство городового. Не в нем, товарищи, суть и не на нем должны мы вымещать негодование, не в его убийстве дать исход и удовлетворение нашей жажде мести... Мы должны бороться не с лицом или лицами, но мы должны бороться с самодержавием и порождаемым им гнетом и произволом, и на вопрос: как и какими средствами нам нужно бороться я отвечаю себе так: мы видим, что все зверские правительственные расправы с нашими лучшими товарищами производятся открыто, демонстративно; мы видим, что правительство старается всеми мерами и всеми силами дезорганизовать нашу организацию. Оно, ради достижения своих целей, не останавливается ни перед какими мерами; оно широко и щедро раздает направо и налево тюрьму, ссылку, каторжные работы и смертную казнь. Своими свирепыми мерами оно хочет вырвать, «из'ять из обращения» наших лучших товарищей и смелых борцов, а остальным дать «урок», напугать их, «чтобы в другой раз неповадно было». Но удастся ли это царским холопам?! Мы смело можем сказать: нет! Нет, им не задушить, не остановить великого освободительного движения пролетариата. Вспомним слова С. Бардиной [12] на суде: «Преследуйте нас, за вами пока материальная сила, господа; но за нами сила нравственная, сила исторического прогресса, сила идеи, а идеи — увы! — на штыки не улавливаются!». И вот я думаю, что мы, социал-демократы, должны взять пример в одном отношении с наших врагов. Они стараются и ищут средств, чтобы дезорганизовать нашу силу, так или иначе рассеять и разбить наши ряды. И мы, с нашей стороны, должны напрягать все свои силы для того, чтобы дезорганизовать силы правительства. Но на нашей стороне перевес! В то время, когда правительство ищет разные средства для борьбы с нами, у нас уже это средство есть. Мы не можем и не должны пропускать такой вопиющий и гнусный факт без ответа. Мы должны рассказать о нем и раз'яснить его всем товарищам, всем мыслящим и честным людям, поведать всему миру!.. Открытым протестом должны мы ответить на подобные азиатские приговоры и расправы. Мы должны громко заявить в листках, газетах, брошюрах, на улице о нашем негодовании, мы не можем остаться безучастными зрителями. Своими протестами мы будем подрывать почву под ногами наших врагов, будем вселять недоверие и ненависть русского народа к нашему самодержавному, кровожадному правительству. Это пока единственный способ дезорганизовать и разбить все враждебные свету и справедливости силы, только таким образом, т. е. такими путями, мы должны отомстить и отомстим!

Рабочий.

СОРВАЛОСЬ!..

— Ну, а если ваши громогласные, велеречивые и пышные уверения вызовут недоверие именно самым своим характером?

— Я желал бы посмотреть, кто посмеет усомниться в моих словах!

— Ну, однакоже, если все-таки усомнятся?

— Повторяю, что я не позволю усомниться в словах революционера, я не остановлюсь ни перед чем, я пойду до конца, я потребую либо прямого выражения недоверия, либо прямого отступления, я...

— А если ваше требование прямого выражения недоверия будет удовлетворено?

— Что такое?

Болгарии с «освободительницей», русское правительство предложило болгарскому несбыточный план политической унии между Болгарией, Сербией и Черногорией под протекторатом России и разделение Македонии между ними. Нельзя и допустить, чтобы русское правительство серьезно предлагало этот план и чтобы оно поддержало его осуществление. Что это так, показывает тот факт, что русское правительство уже раньше заключило соглашение с австро-венгерским правительством о разделе Балканского полуострова между Россией и Австрией. Эти факты показывают тоже, что русское правительство никоим образом не допустит, чтобы Болгария об'единилась и тем стала более крупной политической единицей на Балканах.

С начала прошлого года до первых чисел мая сего года Болгарией управляли ультра-руссофилы. Русское правительство не могло жаловаться, что Болгария не слушается его или что она слушается «врагов славянства», и казалось бы, что тут русское правительство сделает все, чтобы ей помочь в осуществлении ее национальных желаний. Но как-раз в это время оно настояло перед греческой константинопольской патриархией и перед турецким правительством о признании митрополитом в Ускюбской епархии серба Фирмилиана. Суть дела в следующем. Ускюбский вилает (в Македонии) населен и сербами, но большинство его населения болгаре. А по султанскому фирману (грамота), которым регулируется вероисповедный вопрос, в Македонии в церковные епархии назначаются архиереи из той национальности, которая составляет большинство в них. В Ускюбской епархии громадное большинство болгаре и, следовательно, в нем может быть только болгарский архиерей. Но город Ускюб один из самых важных стратегических пунктов Македонии, ключ к Фессалоникам (приморский город, первый порт на Эгейском море). Владеть Ускюбом — «национальный идеал» сербских патриотов. Сербия задается целью, во что бы то ни стало, утвердиться в Ускюбе, и потому она давно добивалась поставить в нем сербского архиерея. Болгарские патриоты, напротив, основываясь на фирмане, противились этому всеми силами. Но на помощь Сербии явилось русское правительство, и в прошлом году Фирмилиан был рукоположен в архиереи, и турецкое правительство утвердило его в Ускюбе по настоянию русского правительства. Спрошенный в парламенте, почему болгарское правительство допустило утверждение Фирмилиана в Ускюбе, г. Данев, шеф ультра-руссофильского правительства, отказался дать об'яснения, сказавши только: «Мы исполнили свой долг как следует; больше ничего нельзя сделать». Однако тут же прибавил в весьма осторожных выражениях, что вопрос о Фирмилиане не важен для Болгарии, что последняя с помощью России

— Если вам скажут прямо и определенно, что вам не верят?

— Я назову того, кто решится сказать это, гнусным клеветником, я буду клеймить перед всем светом его беспримерный поступок...

— А если вам, в ответ на это, систематически начнут доказывать, что все ваше поведение давно уже не позволяет относиться к вам с доверием?

— Я соберу тогда отовсюду протесты против этой братоубийственной полемики, я обращусь ко всем с прочувствованным словом о правде-истине и правде-справедливости, о кристальной чистоте, загрязненной нечистыми руками, о грубой и грязной коре мелкого самолюбия, об очистительном пламени, которое наполняет мою душу беззаветным энтузиазмом, я сравню своих врагов с Понтийским Пилатом...

— А если по поводу таких речей вас сопоставят с Тартюфом?

— Тогда я потребую третейского суда!

— Вам немедленно ответят, что охотно принимают вызов и предлагают прежде всего согласиться о том, чтобы суд рассмотрел вопрос, имел ли ваш противник право усомниться в достоверности ваших заявлений.

— Тогда... тогда... тогда я заявлю, что «после всего происшедшего» смешно и говорить о каком-то «соглашении» между какими-то «сторонами»!

* * *

Такова была «беспримерная, — по выражению «Рев. Росс.», — кампания по делу второго апреля». [13] Почтеннейшей газете очень не хочется, по весьма понятным причинам, сознаться, что эта история была действительно такова. Почтеннейшая газета прячется за целый ряд отговорок, которые нам приходится рассмотреть подробно.

«Рев. Росс.» удивляется, во-первых, почему «вместо организованной русской социал-демократии», к которой обращались товарищи Балмашева, отвечает редакция «Искры». Товарищи Балмашева, — говорят нам, — «не имеют ответа на свое вполне определенное предложение, направленное по вполне определенному адресу».

Неверно это, господа. Вам, как и всем и каждому, прекрасно известно, что именно представляет из себя организованная русская социал-демократия, каковы именно все наши организации. За одну ночь у нас, не в пример кое-каким людям, новых организаций не вырастает. У нас есть комитеты партии, есть «Искра», есть О. К. [14], который давно готовит второй с'езд партии. По какому же это «определенному адресу» вы обращались? По адресу второго с'езда? по адресу О. К.? Нет; вопреки вашим словам об определенном адресе, вы абсолютно ничем этого адреса не определили. Вы сами отметили, что «Искра» признана большинством комитетов, и вам поэтому никто не мог ответить, кроме «Искры». Если второй с'езд нашей партии признает «Искру» органом партии, тогда ответ «Искры» окажется ответом партии. Если нет, — тогда вы будете иметь дело с другим органом. Это такая простая вещь, что ее мог бы понять и шестилетний ребенок.

«Рев. Росс.» «удивляется, почему вместо прямого ответа на прямое предложение товарищей Балмашева» (предложение будто бы дать возможность социал-демократии познакомиться с действительным существом дела второго апреля) «нам предлагают, чтобы они признали себя и „Искру“ сторонами, между которыми, после всего происшедшего, возможны какие-то предварительные переговоры, „соглашения“ о постановке вопроса». Итак,

---

добьется более важных национальных приобретений. Впрочем, было известно, что русское правительство приказало болгарскому не подымать и не допускать никаких протестов по вопросу о Фирмилиане и дало болгарскому правительству старые ложные обещания помочь осуществлению болгарских политических стремлений. Разумеется, русское правительство и тут солгало. Оно настояло перед Турцией о разрешении фирмилиановского вопроса в пользу Сербии с целью разжечь ненависть между нею и Болгарией, разжечь националистическую борьбу между ними. При всем том, однако, русское правительство продолжает лгать перед «братушками», что русский царь постоянно думает о счастии болгарской нации, о том, как помочь им об'единиться в великую Болгарию. Коварнее, чем отношения русских царских слуг к Болгарии, ничего быть не может. Но коварство его этим не кончается.

Нынешнее повстание в Македонии есть, можно сказать, прямое следствие коварной политики русского правительства. Дело в том, что внутренняя македонская революционная организация думала об'явить общее повстание через три-четыре года, когда она рассчитывала быть лучше подготовленной к делу. Но прошлой осенью, как я уже сказал, принц Фердинанд (сумасброднейший господин и вместе с тем величайший трусишка) подстроил инсуррекционное движение в Македонии, послав несколько вооруженных отрядов под командой отставного генерала Цончева и полковника Янкова. Принц Фердинанд, разумеется, не воодушевляется никакой автономией Македонии; он никоим образом не желает ее, так как автономная Македония в его глазах величайшая опасность для его династии и даже для его собственного существования. Его интересует лишь вопрос, как ему поскорее стать королем Болгарии. Но этот господин вообразил себе, что во время шипкинских торжеств самый удобный момент пугнуть Турцию инсуррекционным движением в Македонии и таким образом добиться королевской короны. Его расчеты не сбылись. Вызванное при его содействии инсуррекционное движение привело к весьма печальным результатам для Македонии. Оно дало повод русскому правительству настоять перед Турцией на принятии всех мер к искоренению «нарушителей порядка» в македонских вилаетах. Турция воспользовалась, конечно, настоятельными советами русского правительства, и под тем предлогом, что в болгарских селах скрываются «комиты» (революционеры) и скрыто оружие, расставила по всем большим болгарским селам войско. Оно, естественно, предалось самым невероятным жестокостям над мирным населением. Те села, которые осмелились роптать и жаловаться, были обвинены в укрывательстве «комит» и уничтожены артиллерией до тла. Так, например, были уничтожены большие села в Мона-

«Рев. Росс.» утверждает теперь, что нам предлагали не третейский суд, а предлагали лишь дать возможность познакомиться. Это неверно. «Заявление» [15] в № 27 «Р. Р.» говорит буквально о «непроверенном обвинении («Искры») в клеветничестве», о проверке обвинения, о предоставлении «одному лицу, на добросовестность и конспиративность которого могли бы равно положиться и мы и центральный орган (это заметьте!) русской социал-демократии следующего ряда доказательств». «Проверка обвинения», «рассмотрение доказательств» лицом, на которого полагаются и обвинитель и обвиняемый, — это не есть третейский суд? Это есть лишь предложение познакомиться?? Комики вы, господа. После того, как вы уже предложили согласиться о выборе добросовестного лица, вы заявляете теперь, с неподражаемо-гордым видом пойманного Ноздрева, что никакие соглашения невозможны!

«Рев. Росс.» «спрашивает далее, над кем смеется „Искра“, когда говорит о соглашении в постановке вопроса, одновременно с тем декретируя свою постановку и категорически заявляя, что другой постановки вопроса быть не может». Перед судом всякий категорически заявляет свое мнение и утверждает, что оно — единственно-правильное. Вместо того чтобы дать и свою определенную постановку вопроса, наш горделивый противник начинает хорохориться и бла-ародные слова говорить!

Похорохорившись, «Рев. Росс.» соблаговоляет однако сделать несколько замечаний и о нашей постановке вопроса. По ея мнению «Искра» прибегает к увертками и отступает. Вопрос заключается, де, не в том, «что Боевая Организация покушалась на право "Искры" свободно мыслить (!), оценивать со своей точки зрения политические акты и даже (sic!) внутренно сомневаться в чем бы то ни было». Это «внутренно сомневаться», поистине, бесподобно. «Боевая Организация» так необыкновенно либеральна, что готова (теперь, после более чем годичной борьбы!) разрешить нам даже сомневаться, — но только внутренно, т. е., вероятно, так, чтобы никто, кроме самого сомневающегося, не знал об этом... Может быть, и «свободно оценивать» эти боевые люди разрешают нам только про себя?

«Можно подумать, — говорит «Рев. Росс.», — что только отказ „Искры“ подчиниться такому требованию был поводом для обвинения „Искры“ в клевете». Следуют цитаты из статьи «Тартюфы революционной морали» [16] и замечание, что «здесь говорится не о каких-то скромных и неопределенных сомнениях, а об очень нескромных и очень определенных обвинениях».

Приглашаем читателя припомнить некоторые общеизвестные факты. В № 20 «Искры» (от 1 мая 1902 г.) мы оцениваем акт Балмашева, понятия не имея ни о какой боевой организации. Эта последняя пишет нам письмо, требуя, чтобы мотивов решения Балмашева мы искали в ее официальных заявлениях. Мы молча бросаем это письмо неведомой организации в корзину для ненужной бумаги. Письмо печатается в № 7 «Рев. Росс.» (июнь 1900 г.), редакция которой по поводу одного только нашего молчания вопит уже о набрасывании тени на моральную сторону, об умалении значения акта и т. п. Мы отвечаем статьей «Вынужденная полемика» (№ 23 «Искры» от 1 августа 1902 г.), в которой смеемся над сердитым Юпитером, отстаиваем свою оценку акта 2 апреля и заявляем, что для нас принадлежность Балмашева к «Боевой Организации» «более чем сомнительна». Тогда гг. соц.-рев., добившись от нас внешнего выражения нашего внутреннего сомнения, поднимают истерические вопли о «беспримерном поступке» и говорят уже

стырском вилаете: Смардет, Могила и друг. Но главное в том, что эти турецкие жестокости над мирным населением поощрялись самими агентами русского царя. Когда бежавшие из разоренных сел, большей частью женщины, явились в Монастырь и обратились к русскому консулу (убитому недавно турками) А. А. Ростковскому с просьбой о защите, он их обругал самым бесцеремонным образом. Он им сказал: «Вы сами предлагались туркам, дабы обвинять их в насилии!» Тогда агенты русского царя писали самые мерзкие, невообразимо клеветнические рапорты против болгарского населения. Когда эти рапорты появились на столбцах «Правительственного Вестника», в болгарских газетах поднялся страшный шум, и правительство, хотя и слепо послушное русскому, было принуждено обратиться к нему с просьбой об опровержении рапортов. Русское правительство поспешило прикрыть свое коварство об'явлением, что сменяет редактора «Правительственного Вестника». Однако факт тот, что оно не только развязало руки Турции, но и прямо поощряло турецкие жестокости над мирным населением. Но жестокости, массовые аресты, истязания и прямо убийства арестованных по тюрьмам привели население в отчаяние. Жизнь в Македонии стала невыносима. Революционные комитеты уже не в состоянии были сдерживать население. С другой стороны, поголовные обыски и аресты угрожали раскрытием нитей революционной организации и ее дезорганизацией. Вследствие всего сказанного организация решила об'явить общее повстание в Македонии и Адрианопольском вилаете нынешним летом. На это решение организации повлияло, несомненно, и дальнейшее поведение русского правительства.

По окончании шипкинских торжеств русские генералы, во главе с военным министром Куропаткиным, демонстративно проехались по Болгарии, посетили Плевну и везде говорили патриотические речи о торжестве «славянской идеи», о врагах «славянства» и об особой роли Болгарии на Балканском полуострове. Эти прогулки по Болгарии «усатых» и «бородатых» генералов разожгли патриотические страсти «братушек» и надежды на удовлетворение их в близком будущем с помощью России. Но в этом отношении особенно отличался «Яланджи-Паша», граф Игнатьев. Этот господин считается автором Сан-Стефанского договора (под Константинополем). По окончании шипкинских торжеств он был гостем в столице Болгарского княжества, Софии, в течение нескольких дней. Тут македонская эмиграция и вообще болгарские патриоты устраивали ему грандиозные факельцуги, разные банкеты, царские встречи, что сердило принца Фердинанда до истерики. «Яланджи-Паша» перед многотысячной толпой с балкона русского агентства держал самые разжигательные фельдфебельские речи о «Сан-

не больше и не меньше, как о «грязи» и об «инсинуации» (№ 11 «Рев. Росс.», сентябрь 1902 г.).

Таковы, в самых кратких чертах, основные моменты нашего литературного спора. Человек, превосходно знающий, что противник относится к его словам с молчаливым недоверием, приступает публично с ножом к горлу, требуя открытого выражения либо доверия либо недоверия и, получив последнее, бьет себя в грудь и жалуется urbi et orbi, какое благородное существо и как гнусно было обижено. Что это, не ноздревщина? Не революционное бреттерство? Не заслужено было таким человеком название Тартюфа?

Откуда берет «Рев. Росс.», что мы отступаем, не желая отвечать за статью и за статьи о Тартюфах? Из того, что в нашей постановке вопроса не включены тезисы этих статей? Но разве нам предлагали суд по поводу каких-нибудь определенных статей, а не по поводу всего отношения «Искры» к уверениям «партии соц.-рев.»? Разве в самом начале заявления товарищей Балмашева в № 27 «Рев. Росс.» не цитируется именно исходный пункт всего спора — слова № 23 «Искры», что принадлежность Балмашева к «Боевой Организации» для нее более чем сомнительна? Смеем уверить «Рев. Росс.», что мы отвечаем за все наши статьи, готовы дополнить наши вопросы для суда ссылками на любой номер «Искры», готовы доказывать перед кем угодно, что мы имели полное нравственное право и все разумные основания охарактеризовать как Тартюфов тех публицистов в «Рев. Росс,», которые договорились до приведенных нами выше выражений по поводу нашего дерзновенного сомнения в достоверности ее слов.

«Отступления и увертки», на самом деле, только с чьей стороны? Не со стороны ли тех, кто теперь великодушно готов признать за нами право свободно оценивать и внутренно сомневаться и кто более года упражнялся в отвратительно-напыщенной декламации по поводу того, что «Искра» продолжала упорно сомневаться и доказывала обязанность всякого серьезного человека сомневаться в революционной беллетристике. Когда вы увидали, что чувствительные слова о честности высокой вызывают действительно уже смех, а не рыдания аудитории, — вам захотелось новой сенсации, и вы выступили с требованием суда. Падкая до скандала часть заграничной колониальной публики потирала от удовольствия руки и оживленно шепталась: «Они вызвали их на суд... наконец-то! Теперь мы увидим». И теперь они увидели— последнюю сцену водевиля, герой которого с неописуемо обиженным видом благородного человека заявил, что «после всего происшедшего» невозможны никакие соглашения о постановке вопросов для суда.

Продолжайте спокойно в том же духе, господа! Но помните, что никакие потоки жалких слов не помешают нам исполнять нашу обязанность: разоблачать фразерство и мистификацию, где бы они ни проявлялись, в «программах» ли революционных авантюристов, в блестках ли их беллетристики или в возвышенных предиках о правде-истине, об очистительном пламени, о кристальной чистоте и о многом прочем.

[Н. Ленин]

ИЗ НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

К таганрогскому процессу. Нам обещали выслать все материалы, касающиеся суда над демонстрантами 2 марта. Пока мы получили только речь Гавриила Львовича Корякина, защитника подсудимых: Авраама

Стефанской Болгарии», о непременном желании русского царя увидеть осуществление Сан-Стефанского договора. Правда, он говорил тогда, что теперь не время для повстания, что нужно немножко подождать, но из его речей прямо выходило, что повстание необходимо, но только не этой осенью. Он принимал депутации от разных обществ македонских эмигрантов и болгарских патриотов, долго беседовал с ними, поощрял их действовать, но верить «бескорыстию» русского царя и готовности его помочь Болгарии, убеждая их слушаться «России». Не может быть никаких сомнений, что эта агитация «Яланджи-Паши» производилась с ведома и разрешения правительства.

Зимой, в начале текущего года, приезжал в Болгарию сам министр иностранных дел Ламсдорф. Болгарские патриоты и ему делали грандиозные овации, которые он принимал с балкона Софийского княжеского дворца со словами: «От всего сердца благодарю вас; все доложу государю императору»; принимал депутации от македонских эмигрантов, представителей внутренней македонской революционной организации, патриотических болгарских обществ; выслушав их внимательно, отпускал их с успокаивающими словами: «все доложу государю императору». Можете себе представить, как подействовала вся эта агитация «русских гостей» на наших патриотов. Она прямо настраивала их революционно. И действительно, с тех пор (с февраля текущего года) начала все больше назревать мысль о неизбежности общего повстания в Македонии.

Несколько дней тому назад один из вождей генерального Македонского комитета в Болгарии заявил в публичной речи, что шеф руссофильского тогда кабинета Данев позвал его и сообщил ему слова Ламсдорфа. А г. Ламсдорф от имени русского царя обещал болгарскому правительству, что будут введены реформы в Македонии с генерал-губернатором из крестьян во главе. Скоро, однако, оказалось, что все это было ложью. Обещанные реформы, предложенные Турции русским и австро-венгерским правительствами, оказались просто глумлением над страждущими в Македонии. Русское правительство извинялось тем, что «немцы» не дали осуществиться проекту «русских реформ». Это, конечно, тоже бесстыдная ложь. Предложенный Турции проект «реформ» в Македонии был проектом русск. правительства, так что «немцы» тут не причем. Русское правительство предложило свой проект из соображений самого подлого свойства. Оно просто хотело раздразнить этим болгарских патриотов, вызвать их на повстание против Турции и тем развязать ей руки для истребления болгарского населения в Македонии. Этим оно думает раз навсегда положить конец стремлениям болгар к «С.-Стефанской Болгарии» и отнять таким образом

Миндлина, 17 лет, и Соломона Борухова, 16 лет. Приводим эту речь, дающую некоторое представление о том, что это был за «суд».

«Когда в день подготовительных к суду распоряжений защита получила возможность ознакомиться с обвинительным актом, — этот акт при тщательном анализе изложенных в нем юридических определений разлетелся в клочья. Никто не предполагал, что прокурор будет доказывать необходимость применения ст. 279 в. у., исходя из ст. 264 ул. о наказаниях, при полном отсутствии наличности предварительного соглашения на причинение раны приставу Антонову; никто не предполагал, что прокурор будет доказывать необходимость коллективной ответственности толпы за деяния участвовавших в ней лиц. И ужасно было слышать, как прокурор, обнаружив непомерную жажду крови, потребовал у вас, г.г. судьи, шесть человеческих жизней. Но я не стану останавливаться на юридических определениях и ошибках г. прокурора. Все это блестяще указал вам, г.г. судьи, товарищ Мандельштам. Я считаю нужным подчеркнуть всю неожиданность для защиты этих эшафотов. В эти четыре дня нашей совместной работы самая мысль о них была далека, и не раз я видел, как лица и обвиняемых и судей озарялись улыбкой при смешных ответах свидетелей. Чудовищно видеть, как прокурор рыл могилу для нескольких молодых и светлых, как слеза, жизней, как он делал это с улыбкой. Еще ужаснее эти улыбки на лицах судей, готовящихся вынести смертный приговор. Нет, г.г. судьи, призраки эшафотов появлялись в этой зале лишь на минуту и так же мгновенно исчезали, и атмосфера общения между людьми устанавливалась в суде. Ведь, г.г. судьи, никогда еще эти скамьи за решеткой, окруженные солдатскими штыками, не вмещали в себе такую высокую душевную чистоту, так много самой высокой и ценной морали. И, понятно, лишение жизни таких людей и для судей и для защитников казалось невозможностью: улыбались судьи, улыбалась защита, улыбались обвиняемые... да, слишком неожиданно проявил прокурор такую жажду крови... (Дальше защитник кратко указывает на невозможность коллективной ответственности в применении ст. 279 и переходит к рассмотрению виновности Миндлина и Борохова). Пятнадцати лет, вы слышали, г.г. судьи, Миндлин, как говорил свидетель жандарм Кулишов, был об'явлен политически неблагонадежным и в порядке положения об усиленной охране заключен в одиночную тюрьму. Спустя год, 16 лет, через шесть дней после 2 марта, он был снова арестован по подозрению в участии в демонстрации. И вот, как говорит свидетель Долганих — сторож при арестном доме, сидя в заключении, Миндлин кричал: «Долой самодержавие», «да здравствует политическая свобода» и пел революционные песни. Не представляется ли вам, г.г. судьи, ужасным самый факт об'явления неблагонадежным 15-летнего ребенка и заключения его в одиночку? Ведь политические убеждения вопрос серьезный. Мы знаем революционеров на студенческой скамье, превращающихся в жизни в резких реакционеров, и наоборот, знаем благонадежнейших молодых людей, постепенно проникающихся злобой к существующему режиму и становящихся в ряды революционной армии; и я утверждаю, что в 15 лет никаких политических убеждений Миндлин, только-что окончивший городское училище, иметь не мог. Я понимаю, г.г. судьи, почему Миндлин, будучи посажен второй раз в одиночную камеру, кричал «да здравствует свобода» и пел революционные песни, и вы согласитесь, что Миндлин под влиянием педагогических приемов жандармов ничего другого и не мог и не должен был кричать...» (председатель обрывает). Следует разбор улик; доказывается лживость показаний жандарма Кулишова; приводятся ссылки на показания свидетелей защиты. (Защитник переходит к Борохову. Борохов заявил, что в демонстрации участвовал и, увидев 2 марта на Садовой толпу, сознательно присоединился к ней). Защитник закончил речь такими словами: «Это заседание закрыто... Судите Миндлина и Борохова, г.г. судьи, казните их, но знайте, что пролитие крови этих детей равносильно избиению младенцев, что слезы обездоленных отцов и матерей прожгут эти каменные стены, широким потоком разольются они, и завтра же вся страна будет вопить к небу о справедливости и о мщении...» на этих словах председатель оборвал защитника, крикнув: «Не важно, что будет кричать страна. Довольно».

Миндлин оправдан; Борохов осужден к трем годам тюремного заключения с лишением прав.

Еще о Зубатове. Зубатову в Питере сильно не повезло... Попытка устроить по московскому образцу

поводы к вмешательству их в македонские дела. И в самом деле, всем известно, что русское правительство теперь самым решительным образом настаивает перед Турцией на немедленном подавлении повстания всеми средствами и силами. Турция, получив такой пароль от русского правительства (об Австрии нечего и говорить— как-раз в ее интересах истребление «повстанцев»), действительно производит теперь самое жестокое и огульное истребление не «повстанцев», а мирного болгарского населения. Повстанцы в Македонии и Адрианопольском вилаете, число которых, по последним официальным данным, достигает 25 тысяч человек, укрепились по Балканам и их проходам и оттуда нападают на регулярные войска и башибузуков. Но последние избегают встреч с ними, не преследуют их, а занимаются исключительно истреблением болгарских сел и населения. По следующим официальным данным от 10 сентября (по нов. ст.) вы можете судить сами, какое ужасное истребление совершается турками в «непокорных вилаетах». В Монастырском, Ускюбском, Фессалоникском и Адрианопольском вилаетах уничтожены до тла 113 сел, 40.000 мужчин, женщин и детей перебито самым зверским образом и 65 тыс. душ, преимущественно старики, женщины и дети, прячутся в горах, не имеют крова и терпят ужаснейшую нужду.

Вот каким образом Турция тушит повстание в Македонии и Адрианопольском вилаете! И это поголовное, жестокое, зверское истребление населения, разорение сел не только известно правительствам цивилизованной Европы, но прямо и открыто поощряется ими и особенно русским правительством. Более того, теперь русское правительство натравляет Турцию на Болгарию. Цель его очевидна: окончательно обессилить Болгарское княжество, и так слабое во всех отношениях, потом явиться его «спасителем» и «покровителем». Турция теперь на глазах у всех готовится к войне с Болгарией, и русское правительство, вместо того, чтобы обратиться к Турции с нотой, обращается к болгарскому правительству с предупреждением, что, в случае войны с Турцией, Болгария не должна рассчитывать на заступничество со стороны России.

Таково отношение русского правительства к Болгарии и македонскому вопросу. Я его назвал «коварным». Но оно более чем коварно. Оно прямо гнусно. Если отношение правительств других европейских наций не гуманно, эгоистично, то отношение русского правительства прямо дико. Царское русское правительство дико, гнусно; дико и гнусно оно у себя дома и этим только держится пока; еще более дико и гнусно оно вне России. Другая политика ему не свойственна. К характеристике этой политики его приведу еще следующий факт.

«рабочее общество», как их здесь называют, потерпела полное фиаско. В настоящее время эти собрания посещаются дворниками, шпионами, самими «зубатовцами», да пятью-шестью рабочими. Петербургские рабочие очень быстро поняли действительные цели этих «обществ», касс и прочих благ, которые сулят им жандармы через посредство всяких Слеповых, Горшковых и пр. шпионов. «Мало у них сыщей (так называют здесь шпионов), так нас хотят приманить» — говорили даже самые темные рабочие после первого посещения собрания. Но Зубатов не унывает... Здесь недавно образовались «тайные кружки» (три или четыре), пропагандистом в которых является... околоточный Васильевской части!.. А в состав слушателей входят два городовых... Не трудно, конечно, представить, какой «пропагандой» занимаются в этих кружках!..

Не вмешивается уже более Зубатов и в стачки (как в Москве), которые здесь приняли серьезные размеры. Характерно, что заводчики и фабриканты во время стачек стараются не допустить вмешательства полиции. Напр., на фабрике Лебедева во время стачки приехал пристав с отрядом городовых, но директор фабрики заставил его удалиться, заявив: «Это дело не ваше, рабочие ведут себя спокойно, а вы их только раздражаете».

Зубатову остается сосредоточить всю свою энергию на области сыска, что он и делает в настоящее время. Из всех сил старается он расплодить среди рабочих провокацию. Почти всем арестованным рабочим (а также и интеллигентам) Зубатов намеками предлагает поступить на службу в охранное отделение. Вот почти дословный разговор Зубатова с одним товарищем рабочим: «.... Когда меня привезли в охранку, — рассказывает последний, — было уже два часа ночи, но, несмотря на позднее время, меня вскоре привели в кабинет Зубатова. Он очень любезно пригласил сесть, спросил, как я себя чувствую, и советовал не огорчаться... «Мы все были молоды, — говорил Зубатов, — и все делали ошибки!..» Я понял, что он намерен вести со мною беседу, и решил ничего не отвечать ему. Зубатов продолжал: «Вы знаете, г. N, почему мы вас пригласили сюда?.. Мы обвиняем вас в принадлежности к революционной партии и притом к самой крайней и опасной фракции — к «Искре»!.. Я должен вам сказать, что дело ваше очень громкое — данных у нас о вашей деятельности очень много — и я, как представитель центральной власти, предупреждаю вас, что вас ждет серьезное наказание!.. Я советую вам хорошенько подумать над вашим положением... Вы еще молоды и имеете еще возможность вступить на честный путь. Вы думали, что ваша преступная деятельность будет без конца... О, мы вас уже давно знаем... вы у нас как на ладони!.. Даже о вашей деятельности среди N-ских рабочих мы уже знаем, и единственное для вас спасение — это стать слугой правительства *... Не думайте, что правительство не оценит ваше раскаяние,— продолжал Зубатов; — оно умеет карать своих врагов, но и награждать друзей... Вы должны понять, что я не говорю вам фраз, я только искренно желаю вас спасти от бубнового туза... Вы прекрасно знаете, что сослать вас с Восточную Сибирь на 10 — 15 лет нам очень нетрудно, но мы жалеем вашу молодую жизнь... И, наконец, для нас несравненно важнее приобрести сторонника, — это будет нашей нравственной победой, — чем сослать!.. Я в молодости сам был революционером...В наше время действовала «Народная Воля» [17], а там были герои не чета вам; призывать народ к революции — это безнравственно, на это способны только фанатики, но не благоразумные, интеллигентные люди! Конечно, я тоже не разделяю взглядов консервативных «Моск. Вед.» [18], но в то же самое время я, как истинный гражданин, считаю своим долгом бороться против «Искры»... И, наконец, разве правительство вам запрещает устраивать собрания?» — Зубатов начал рассказывать мне о собраниях московских рабочих и зарождавшихся тогда петербургских, говорил об интеллигенции, которая «водит рабочих за нос» и т. д. «Правительство, — говорил Зубатов, — знает всех ваших интеллигентов и, когда сочтет нужным, тогда и арестует». Заметив, что я весьма равнодушно слушаю его пошлое фразерство, он с пафосом заговорил: «О, г. N., не думайте что я говорю фразы!.. Как человек, — понимаете, как человек, — я советую вам серьезно подумать над вашим положением... Повторяю вам, единственное для вас спасение — это раз навсегда порвать всякую связь с революционным прошлым... Вам выгоднее опереться на правительство... от революционеров вам нечего ждать помощи. Вы не думайте, что кто-нибудь узнает о вашем искреннем раскаянии... мы в «Искре» не напечатаем... Я понимаю, что вы

* Здесь мы пропускаем ответ рабочего Зубатову.

Чтобы хоть сколько-нибудь прикрыть свои намерения, русское правительство согласилось с желанием принца Фердинанда заменить ультра-руссофильский кабинет Данева нынешним руссофобским кабинетом. Раньше русское правительство никоим образом не допускало такой перемены. Когда в марте месяце принц попробовал, было, сменить старое министерство, из Петербурга ему дали такую телеграмму, что он поспешил снова поручить Даневу составить кабинет. Но в апреле месяце принц поехал в Париж, и тут он получил разрешение парижского посла Урусова сменить кабинет Данева. И в начале мая принц сменил его. Игра русского правительстве понятна. Оно хотело спасти репутацию ультра-руссофилов и заставить нести последствия его политики руссофобов вместе с принцом Кобургом. Теперь отношения между Петербургом и Софией далеко не приятельские; царь сердит на принца; агенты русского правительства и руссофилы распространяют теперь легенды, что Россия не желает заступиться за Болгарию будто-бы потому, что Болгария при нынешнем руссофобском правительстве действует заодно с ее врагами и не слушается ее.

Но вы спросите: как же болгаре не могут понять политики русского правительства? На этот вопрос можно ответить следующее. Большинство болгарской нации мелкая буржуазия, а она пропитана руссофильскими или, лучше сказать, царефильскими чувствами. Не умея об'яснить себе мотивы русско-турецкой войны, она об'ясняет их «любовью» русского царя к болгарам. Вот почему она не в состоянии себе представить, чтобы русский царь, «освободитель» Болгарии, мог желать ей худого. С другой стороны, экономически она все более и более приходит в упадок и, не веря собственным силам и силе Болгарии, она связывает свои иллюзии об улучшении своего положения с какой-то «помощью», которая должна притти от милости русского царя. Крупная же буржуазия распадается на два лагеря: руссофилов и руссофобов. Руссофилы ищут поддержки в своей борьбе за власть у руссофильской массы мелкой буржуазии. Вот почему они, хотя и понимают политику русского правительства, но выступают в качестве ультра-руссофилов. Руссофобы же ищут поддержки принца Фердинанда и всех монархических элементов. Поэтому их агитация против влияния русского правительства в Болгарии и против его политики — безуспешна. Лишь беспощадная критика рабочей социал-демократической партии открывает глаза болгарскому пролетариату, который еще молод, а потому на многое, в том числе и на политику русского правительства, смотрит еще с точки зрения мелкой буржуазии.

Многие даже из наших западно-европейских товарищей, социал-демократов, составили себе убежде-

переживаете нравственные муки. Иначе я не уважал бы в вас человека, но что же делать, г. N, когда иного спасения для вас не существует... Только искреннее раскаяние может вас спасти... Помните: «сердце царево в руце божией»... Я не выдержал и расхохотался... Зубатов вскочил, как бешеный, и закричал: «Вы, г. N, настоящий революционер! Помните, что у правительства помимо тюрьмы имеется и крепость... Мое последнее слово: подумайте серьезно о вашем положении... Я исполнил свой нравственный долг!..» На следующий день Зубатов явился ко мне в камеру. Любезен он был до крайности... «Вы не курите?.. Пожалуйста, не угодно ли?.. Да вы не бойтесь, это не папиросы откровения (?)... Ну, как, г. N, думали вы о своем положении? Я надеюсь, что вы оценили мои искренние советы. Ведь ваше упорное молчание ни к чему не приведет... только вместо одного месяца тюрьмы посидите год-два в крепости, а затем на всю жизнь останетесь с бубновым тузом... Ведь против вас у нас имеются очень серьезные улики»... Желая убедить меня, что «мы все знаем», он привел ряд фактов из моей деятельности, которые меня убедили, что в нашей среде оказался провокатор. Конечно, это обстоятельство подействовало на меня удручающим образом, что, повидимому, отразилось на моем лице. Зубатов, ласково улыбаясь, сказал: «Ну вот вы, г. N, сами видите, как мы близко знакомы, точно вместе жили... Бросьте, г. N, всю эту революцию... ни к чему хорошему это не приведет... Правительство давно бы ввело либеральные реформы и улучшило положение рабочих, если бы не ваши революционные затеи, которые заставляют правительство быть постоянно на страже и видеть революцию даже там, где ее, может-быть, и нет... Ну, как же, г. N.?» Я ответил, что никаких показаний давать не буду и он совершенно бесполезно себя утруждает. Зубатов вышел из камеры, злобно проворчав: «Жаль, г. N., жаль... погубили себя»...

Подобные «беседы» передавали и другие рабочие.

Еврейский погром в Гомеле. По поводу последних столкновений между христианами и евреями, имевших место 29 августа и 1 сентября, появилось два правительственных сообщения... Дело началось, как пишет «Прав. Вестн.», ссорой между одним крестьянином и торговкой-еврейкой; ссора перешла в драку русских с евреями. «При восстановлении порядка из толпы евреев были брошены в полицейский наряд камни и произведен выстрел из револьвера, на который полицейские чины ответили выстрелами на воздух». 1 сентября «русские рабочие, мстя за нанесенные им 29 августа обиды, произвели буйства и стали разбивать еврейские квартиры и лавки». «Во время прекращения беспорядков евреи, вооруженные ножами, кинжалами, кистенями и револьверами, оказывали сопротивление не допускавшим их до свалки с христианами войскам, причем стреляли в нижних чинов из домов и из-за заборов». Во время драки и «подавления беспорядков войсками» убито четыре христианина и пять евреев, ранено семь христиан и семь евреев. «Число приведенных в известность разгромленных домов и лавок достигает 200». «По отзывам войсковых начальников и лиц судебного ведомства действия полиции при подавлении беспорядков представляются безупречными». «Причины беспорядков, по общему убеждению благонамеренной части населения, — крайне враждебные и вызывающие отношения к христианам со стороны местных евреев».

Нами не получено еще «неофициальных» сведений о гомельском погроме, но уже и это правительственное сообщение дает пищу для размышления. 29 августа завязалась драка между русскими и евреями — явление, довольно частое в черте оседлости. Но вот через три дня русские рабочие вспоминают нанесенную им обиду и начинают еврейский погром. Полиция, действия которой оказались «безупречны», позволяет буянам разгромить до 200 квартир и лавок, и только тогда появляются войска для укрощения... но кого? Появление войск об'ясняется, повидимому, тем, что евреи вооружились и пытались отстаивать свое добро и жизнь. Когда войска «не допустили евреев до свалки с христианами», или, что то же, до самозащиты,— евреи обратили оружие против войск: ведь нельзя же предположить, чтобы евреи стреляли в солдат и полицию, защищавших их и их имущество от громил. Вот как представляется картина людям, знакомым с житейскими и литературными приемами русского правительства.

ние, что повстание в Македонии поддерживается русским правительством через болгарское. Это ошибочно. Как мы видели, отношения русского правительства к Болгарии, его коварство привели действительно к нынешнему повстанию в Македонии и Адрианопольском вилаете. Но русское правительство не только не поддерживает его, а, напротив, дало Турции картбланш для подавления его и для истребления болгарского населения. А теперь толкает ее к войне с Болгарией. русское правительство желает сохранить statusquo на Балканском полуострове и всеми силами будет противиться освобождению Македонии.

Поэтому освобождение Македонии было бы поражением для русского правительства и вообще для русского монархизма. С другой стороны, Македония — страна богатая, способная к культурному развитию. Освобождение ее дало бы ей толчок в этом направлении. Кроме того, разрешение македонского вопроса в смысле предоставления Македонии полной автономии успокоило бы и другие мелкие соседние государства и дало бы им возможность мирно развиваться.

Конечно, разрешение македонского вопроса не есть еще разрешение так называемого «восточного», или, лучше сказать, «балканского вопроса». Суть этого последнего заключается в том, кому из европейских правительств владеть Балканским полуостровом. На Балканском полуострове сталкиваются интересы европейских капиталистических стран, и, надо полагать, он, рано или поздно, будет завоеван ими и поделен. Культурное развитие от этого не пострадает, конечно. Но освобождение Македонии не явится ведь препятствием на пути к подобному разрешению «балканского вопроса», скорее, напротив, поможет ему. Но капиталистическая буржуазия теперь так грубо эгоистична и нерешительна, когда дело касается какого-либо культурного вопроса, что предпочитает statusquo вмешательству в пользу автономии Македонии. Только международная социал-демократия способна ныне поднять голос протеста против зверств в турецких провинциях Европы, против поощрения их буржуазными правительствами и энергично высказаться за освобождение стран, борющихся за свою свободу и более высокое культурное существование.

[Д. Благоев]

В гомельском происшествии мы с удовольствием отмечаем один факт: повидимому, еврейское население убедилось, что смирением и покорностью оно ничего не добьется и что при разбойничьем нападении нужно защищаться вооруженной рукой. И мы убеждены, что если на этот раз еврейский погром ограничился, говоря словами «Прав. Вестн.», «сравнительно незначительным районом», то единственно благодаря вооруженной самозащите, вызвавшей вмешательство войск, после которого продолжение разгрома стало невозможным.

Письмо еврея-демократа. М. Г.! Г-н редактор. Имею честь выразить свою солидарность с принципами и идеалами, проведенными в вашем журнале. Не встречая в нем ни слова о Керчи, я предположил, что вам ничего неизвестно о местном движении, обнимающем все слои нашего общества. Первыми в нашем городе носителями идеи освобождения явились студенты, «водворенные на место жительства». С непрестанным рвением разносили они «заразу» — словом и делом, распространяя в большом количестве прокламации, на которые народ накидывается с жадностью (значит семя попало на хорошую почву). Они шли на поденную работу в наш металлургический завод (теперь закрытый по случаю общего металлургического кризиса) и привлекли на свою сторону несколько тысяч рабочих, которые на Пасху готовили большую демонстрацию, но были отрезаны от города войсками, которые окружили завод «цепью» и никого из рабочих не пускали в город. Хотя, к сожалению, у нас еще не было ни одной демонстрации, но дело подвигается вперед: все глубже проникает в сознание массы идея о свободе. В первых числах июня этого года была выпущена прокламация, призывавшая рабочих нашей табачной фабрики к забастовке. На фабрике около 1000 человек, но преобладают женщины и подростки, и забастовка не могла состояться. Одна из этих прокламаций * попала в руки самого фабриканта — он ее передал жандармскому офицеру — и пошли обыски и аресты. Были арестованы 21 человек, через неделю всех выпустили, за исключением одного, у которого нашли немного литературы. Некоторых арестованных я могу назвать: Яковлев (рабочий), Хенвун (заготовщик), Позин, Шимкин (фармацевт), Лиговский (приказчик одежного магазина, поддерживает целую семью, теперь хозяин его уволил), Рабинович (переплетчик, остался в тюрьме); девицы: Стрилько (с домашним образованием) и Хорош (модистка). Эти аресты стоили демонстрации; арестованных возили поодиночке в одноконных экипажах совершенно открыто, и до тюрьмы нужно было проехать самые многолюдные улицы города. Было утро — когда улицы города особенно оживлены — и много публики, шедшей на базар, видели это зрелище. Арестованные были веселы, улыбались, многим кланялись. Приезжая в тюрьму, они чувствовали себя, как будто приехали на торжество (и разве это не торжество?), друг друга поздравляли с новосельем, справлялись у «начальства», готовы ли для них «кабинеты». Будучи в одиночном заключении, но при общем коридоре, сообща пели «Марсельезу». Симпатии населения были на стороне арестованных и, по выходе последних из тюрьмы, на них смотрели как на героев. Большинство арестованных еврейского происхождения. Кишиневское событие заставляет всякого сознательного еврея стать социал-демократом. Пока только грабили евреев, они еще могли молчать, но теперь, когда много жен и дочерей еврейских изнасиловано, много близких убито, когда в России нет закона, который бы их защитил, — евреи должны примкнуть к движению, которое хочет и может истребить зло в самом корне. Да здравствует Революция! Пусть закипит в евреях кровь Маккавеев и смоет позорную обиду и поруганную честь!

Керчанин.

Второй с'езд Южно-Русской Группы Учащихся Средних Школ [19]. В конце 1902—1903 г. состоялся второй с'езд Южно-Русской Группы Учащихся Средних Школ. На нем присутствовали представители от всех крупных организаций Группы, насчитывающих не менее 300 членов. Менее крупные организации поручили Ц. К. Группы представить их на с'езде. С'езд отличался большим оживлением и разнообразием обсуждавшихся вопросов. Первое заседание с'езда было открыто вступительным словом представителя Ц. К. Указавши на громадное значение с'ездов для русских революционных организаций, докладчик изложил в общих чертах историю возникновения и развития Группы, постановления первого с'езда и вслед затем сообщил данные о деятельности Ц. К. за истекший 1902—1903 акад. год. Тотчас после первого с'езда Ц. К. энергично принялся за установление связей, за издание листков и брошюр, доставку и распространение нелегальной литературы и упрочение связей между организациями Группы и партийными организациями. В настоящее время имеются связи и распространяются издания Группы и вообще нелегальная литература в 11 городах юга России, причем в некоторых из них имеются уже довольно крупные и прочные организации. С октября 1902 г. по июнь 1903 г. Ц. К. издал и распространил около 4.000 листков и воззваний к учащейся молодежи. Одни из них касались специально школьной жизни (4 «Летучих Листка»-бюллетеня, воззвание по поводу самоубийства средне-техника Холодникова), другие об'ясняли вопросы общерусской жизни (о первом марта, о ростовской демонстрации 2 марта, о майском празднике, листок Организационн. Комитета Р. С.-Д. Р. П., о 19 февраля и о кишиневском погроме). Кроме того, были изданы три программные заявления («Искра» №№ 29, 36, 43) и переиздано «Письмо русских писателей» о 4 марта 1901 г. Последнее воззвание было обращено к выпуску учащихся средних школ 1903 г. и распространено в значительном количестве в девяти городах юга России. Число экземпляров каждого воззвания росло с каждым месяцем. Первомайское воззвание вышло в количестве 560 экземпляров. Из периодических изданий в сравнительно значительном количестве распространялись «Искра» и «Южный Рабочий» [20], в небольшом количестве — «Заря» [21] (№№ 2—3 и 4). Распространялись также последние №№ «Освобождения» [22] и «Рев. России». Из брошюр распространялись как издания рабочей библиотеки, так и научные труды Маркса, Энгельса, Каутского, Плеханова и др. Ц. К. была выработана также программа чтения по литературе XIX века. В истекшем году Ц. К. было собрано и израсходовано на разные нужды около 300 рублей.

Второй доклад Ц. К. был посвящен обзору деятельности и направлений других районных организаций русской учащейся молодежи—Харьковского Союза Учащихся, с.-петербургской организации средне-учебных заведений и Киевского Центр. Отдел. об'единенных организаций и кружков средне-учебных заведений. С этими организациями весь год поддерживались сношения. Был даже с'езд из представителей всех этих организаций, не приведший однако ни к каким существенным результатам. В конце академического года Ц. К. Группы была послана для второго с'езда Росс. Соц.-Дем. Рабоч. Партии докладная записка о необходимости для партии взять на себя организацию молодежи.

В том же заседании были заслушаны отчеты местных организаций Группы, изобиловавшие очень интересными фактами и выводами. Везде движение среди молодежи начиналось с небольших групп и охватывало постепенно все большие массы. В настоящее время в организациях Группы насчитывается до 40 кружков, с количеством участников не менее 500 человек, из них около 40% лиц женского пола. В кружки входят учащиеся в разных средних школах: гимназисты и гимназистки, реалисты, средне-техники, учащиеся в учительских семинариях и низших технических училищах; кроме того, экстерны и вообще ин-

---

* Эти прокламации были розданы следующим образом: в восемь часов вечера, при выходе из фабрики, поставили мальчика, который кричал «Американский цирк» и раздавал с улицы (будто бы об'явления) всем рабочим по одной и тут же самому хозяину. Мальчика взяли в участок. Он говорил: «Мне один господин дал 20 коп., чтобы я роздал эти афиши, а кто он, не знаю». Его через два часа выпустили.

теллигентная молодежь. По характеру своему кружки разделяются на два типа: кружки из более юной молодежи, только что начинающей жить сознательной жизнью, ищущей выхода из тьмы противоречий окружающей ее действительности, не занимаются еще систематическим изучением социального вопроса; предмет их занятий — история русского общественного самосознания, русская литература. Знакомясь с русской литературой, молодежь изучает различные этапы в развитии русской мысли, приучается видеть в них отражение породивших их общественных отношений. Не оставляется без внимания и революционное воспитание молодежи; ее внимание обращается постоянно на тяжелое положение низших классов русского народа, на все растущую противоположность между их нищетою и роскошью господствующих классов. Кружки же из сознательной молодежи, поставившей уже себе целью жизни — борьбу за освобождение пролетариата, приступают к всестороннему изучению социального вопроса; предмет их занятий — политическая экономия, социология, наконец социализм и освободительные движения последних двух столетий. Наиболее сознательная часть молодежи детально знакомится с программой Росс. Соц.-Дем. Рабоч. Партии, ее тактикой и организацией. Все отчеты констатируют слабое до сих пор воздействие партийных организаций на учащуюся молодежь.

По прочтении всех докладов была принята следующая резолюция: «С'езд видит коренную причину столь сильного роста организаций учащейся молодежи в широком развитии русского революционного движения, заставившем русскую учащуюся молодежь признать необходимость притти на помощь низшим классам русского народа в их борьбе с экономическим и политическим гнетом и эксплоатацией,— а также в невыносимом гнете школьного режима, сеющем среди молодежи дух недовольства и протеста».

Второй день был посвящен обсуждению программы Группы и вопросу о школьной борьбе. После продолжительных и оживленных дебатов единогласно были приняты следующие резолюции:

О программе Группы: «Признавая необходимым подготовить русскую учащуюся молодежь к сознательной борьбе за освобождение пролетариата от всех сковывающих его уз политического и экономического рабства; признавая, что полное освобождение пролетариата невозможно без низвержения существующего буржуазного строя, без социальной революции; признавая, что для свободного развития классовой борьбы русского пролетариата, как в городе, так и в деревне, необходимо его полное политическое освобождение, достижение им политической свободы; признавая необходимым удержать русскую молодежь от мирной культурной работы, совершенно невозможной при современном самодержавно-бюрократическом строе России; признавая необходимым уберечь русскую учащуюся молодежь от увлечения идеями русского либерализма, не идущего в своих стремлениях далее буржуазно-конституционных идеалов, а также от увлечения шумною проповедью партии, именующей себя «партией социалистов-революционеров», проповедью, затемняющею классовое самосознание русского пролетариата и дезорганизующим образом действующею на развитие его освободительного движения, — с'езд признает неотложною необходимостью пропаганду среди молодежи принципов пролетарского социализма, единственною носительницею которых, по убеждению с'езда, является Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия. Заявляя о полной солидарности своих взглядов с программой Росс. Соц.-Дем. Рабоч. Партии, с'езд присоединяется ко всем программным заявлениям, опубликованным Ц. К. Группы в 1902—1903 акад. году («Искра» №№ 29, 36, 43)».

По вопросу о школьной борьбе была принята следующая резолюция:

«Признавая, что режим, существующий в наших средних школах, является в руках правительства средством для выработки из молодежи верных слуг самодержавию, православию и народности, для удержания ее от революционной борьбы, и таким образом тесно связан со всем социально-политическим строем самодержавной России; предвидя, что в своей борьбе с развитием революционного самосознания среди учащихся средних школ самодержавие постарается усилением гнета школьного режима заглушить начавшееся движение молодежи, — с'езд приглашает молодежь, учащуюся в средних школах, воздерживаться от непосредственной борьбы со школьным режимом, не могущей принести ей никаких существенных результатов, а, с другой стороны, своими последствиями тяжело отзывающейся на лучшей ее части, и посвятить все свои силы на подготовку к борьбе, которая уничтожит произвол и насилие во всех сферах русской жизни. Вместе с тем с'езд предлагает всем руководящим организациям учащейся молодежи использовать все проявления недовольства школьным режимом среди русской учащейся молодежи в целях развития ее революционного самосознания».

На третьем и последнем заседании с'ездом был рассмотрен и принят проект устава Группы, предложенный Ц. К. Затем был рассмотрен целый ряд организационных вопросов, по которым были приняты соответствующие резолюции. Приводим те из них, которые могут быть опубликованы в настоящее время.

По вопросу об об'единении всех социал-демократических организаций молодежи: «Признавая необходимым об'единение всех руководящих организаций русской учащейся молодежи, по своим воззрениям примыкающих к Росс. С.-Д. Р. П., в одну общерусскую организацию, — с'езд поручает Ц. К. Группы провести это свое решение в жизнь».

По вопросу об изменении названия Группы: «Принимая во внимание, что Группа ведет пропаганду социалистических принципов не только среди учащихся средних школ, но вообще среди всей русской учащейся молодежи и что Группа не представляет из себя союз учащихся средних школ, как таковых, — с'езд признает необходимым переименовать Южно-Русскую Группу Учащихся Средних Школ в Южно-Русскую Группу Учащейся Молодежи».

В заключение единогласно была принята следующая резолюция по поводу циркуляра министра народного просвещения от 29 июня 1903 г.: «С'езд клеймит последний циркуляр министра народного просвещения — тщетную попытку заглушить развитие революционного самосознания среди русской учащейся молодежи; с'езд уверен, что никакие меры правительства, как бы гнусны они ни были, не смогут удержать молодежь от стремления к революционной борьбе».

После обсуждения инструкций Ц. К. и всем местным комитетам Группы с'езд, выразивши полное доверие Ц. К., выбранному первым с'ездом Группы и действовавшему в течение 1902—1903 акад. года, продолжил его полномочия на 1903—1904 ак. г. и поручил ему организовать третий с'езд Группы.

Затем председатель об'явил II с'езд Группы закрытым.

Август 1903 г.

Центральный Комитет Южно-Русской Группы Учащейся Молодежи.

Перепечатывая с гектографированного листка это сообщение Ц. К. Южно-Русской Группы Учащейся Молодежи, мы, с своей стороны, шлем горячее приветствие нашим молодым товарищам и пожелание дальнейших успехов в их работе.

Ярославль. Следующий инцидент произошел здесь в конце июня в военном лагере. Как вам известно, с прошлого года для студентов-первокурсников Военно-Медицинской Академии введены обязательные лагерные сборы. В лагерях студенты проходят строевую службу, гимнастику и проч. В прошлом году военное начальство осталось очень довольно медиками, аттестуя их как корректных, воспитанных молодых людей, безропотно выносивших тяжелую ферулу военной дисциплины. В этом году медики не оправдали возлагавшихся на них надежд. Всех медиков в этом году было в лагере 170 человек. Для строевых занятий они были разбиты на четыре группы и прикомандированы к четырем полкам. В один прекрасный день к медикам Астраханского полка, обучавшимся в поле, под'ехал командир этого полка Добрышин и поздоровался с ними. По военному уставу, когда начальство здоровается и осматривает солдат, нужно «есть начальство глазами», т. е. смотреть в сторону начальника. Один медик не сделал

этого и по рассеянности смотрел куда-то в поле, только не на строгое начальство.

Такое «преступление» вызвало со стороны Добрышина дикий окрик: «Эй! Вы, господин с длинным носом, куда смотрите?» Медиков возмутило такое бесцеремонное скалозубовское обращение, и, по окончании учения, они решили выразить Добрышину свой протест: именно на приветствие Добрышина отвечать молчанием. О таковом решении медиков скоро узнали офицеры, обучавшие медиков, и донесли об этом Добрышину, предлагая ему на следующий день не здороваться с медиками, чтобы не нарваться на скандал. Такое предложение еще больше озлило Добрышина. На следующий день разыгралась история. Добрышин приехал к медикам Астраханского полка, здоровается с ними — гробовое молчание. Взбешенный, он мчится к медикам Малороссийского полка, тоже здоровается — и тоже молчание; наконец, летит он к Сибирскому полку, но здесь медики ответили ему на приветствие. После учения медики устроили сходку (около 100 человек), на этой сходке пели «Дубинушку», а потом рабочую «Марсельезу». Во время исполнения последней мимо сходки проходили два офицера — Шишкин и Хайбетов (эти имена должны быть увековечены), оба врываются в центр сходки, Хайбетов с руганью кричит, что он не позволит петь «Марсельезу». Произошло крупное об'яснение между зарвавшимся нахалом-офицером и студентами. Возмущенные таким нахальством, студенты сначала хотели продолжать протест в форме невыхода на учение, но потом почему-то раздумали. Шишкин и Хайбетов рапортом донесли по начальству о сходке. Студенты, бывшие на сходке, переписаны и подвергнуты дисциплинарному наказанию. По делу об ответе молчанием на приветствие начальства производится дознание, которое ведет военный следователь. К ответственности собираются привлечь 30 студентов, как зачинщиков, и судить их военно-окружным судом. Наказание, грозящее студентам, — 3 месяца одиночной военной тюрьмы. По слухам, с своей стороны, академия решила уволить этих зачинщиков.

Либава, 24 августа (ст. ст.). Мы осчастливлены: город наш удостоили посещением царь, царица и вдовствующая государыня, понятно в сопровождении своих свит и прочего лакействующего «начальства»; приехали они сюда по приглашению курляндского дворянства к освещению сооруженного в гавани морского собора. На украшение город не поскупился; главные улицы украшены арками из зелени; дома расцвечены флагами; из окон магазинов глядят рожи «царствующей фамилии»; плафоны, павильоны и т. п. хлам виднеются повсюду. Публики понаехало масса, все — «знать», шпики и полиция. Встречи, так же, как и проезд «высоких» гостей по улицам города, сопровождались понятно ревом «ура»: шпики и полиция выводили соло, а «народ» им вторил. Не обошлось без речей и подношений. Здешние еврейские холопы, между прочим, поднесли тору в серебряной оправе; как видно, недавняя кишиневская резня прошла для них бесследно, не научив их ничему. Здешние лавочники и содержатели гостиниц остались очень довольны происшедшим событием. Это дало им нежданный экстренный доход, принимая во внимание те неимоверные цены, которые они (особенно последние) брали. Уехали отсюда «гости» по железной дороге. По всей линии поэтому были расставлены караульные солдаты. Немало их пригнали и в город, причем поселили их в воинских (тех же товарных) вагонах, где они с одинаковым удобством могли спать сидя, лежа или стоя. Само собой разумеется, что для офицеров и прочего чина квартиры нашлись. Сегодня «царственные гости» изволили отсюда отбыть, и город начинает принимать свою обыкновенную слащаво-провинциальную физиономию. Со всеми царь был любезен и милостив; особенно он благоволил к курляндскому дворянству. При теперешних тяжелых временах, как видно, опять выплывает старая «мудрая» пословица: «не плюй в колодезь, пригодится воды напиться».

Воронеж, 24 августа. Сегодня приехали из Харькова осужденные по политическому процессу: Земин, Чернышев и Руднев. Они были преданы суду Харьковской судебной палаты с сословными представителями за печатание и распространение первомайских прокламаций. Суд был 21 авг. Защищали Карякин, Муравьев и Маклаков. Приговоры: Руднев — 1½ г. тюрьмы, Чернышев — 1½ г. тюрьмы и Земин (раб.) — 3 года арестантских рот с лишением некоторых прав. (Между прочим, их обвиняли в том, что они и разбрасывали эти прокламации; какой-то чиновник почтовой конторы, кажется Знаменский, найдя в почтовом ящике две прокламации, снес их жандармам; но от этого пункта обвинения товарищ прокурора отказался).

Тверь. В ночь с 12 на 13 наш сонный городок представлял собою небывалое зрелище. Все улицы были переполнены жандармами и полицией, которые в поте лица своего трудились над искоренением тверской крамолы. Руководствуясь тем, что революцией теперь захвачен и стар и млад, наши жандармы арестовали земского старичка и старуху 60 лет и подвергли обыску одного революционера в пеленках, которому на-днях исполнится месяц от роду. В общей сложности забрано чел. 30, с сосенки да с бору, а обысков было до 60. Для Твери это небывалый провал. Полиция и жандармы ведут себя непозволительно даже с точки зрения российских законов. При обыске они выламывали двери, ругались площадной бранью, врывались ночью в дома арестованных, будили женщин и детей и тут же устраивали допросы. Родственникам и заключенным жандармский полковник Уранов неизменно отвечает, что книг, вещей и денег принимать не будет, что сгноит всех в тюрьме, сошлет на каторгу. Все эти арестованные старички и обысканные младенцы так подействовали на воображение «оппозиционных элементов», что все отказываются даже от тех ничтожных услуг, какие они оказывали нашей организации. Самому бы Струве нарадоваться на своих либералов... Работы теперь здесь пропасть, нужны силы извне, главным образом рабочие, которые могли бы взять на себя руководящую роль в массе.

Местные рабочие интересуются очень событиями на юге, на юг вообще смотрят как на землю обетованную, до которой нам, северянам, никогда не дорасти. Хорошо бы выпустить брошюру с раз'яснением значения небывалого роста движения на юге и отсталости этого движения на севере. Такая брошюра крайне необходима для всего северного ткацкого района. Также необходимо отозваться брошюрой на многочисленную зубатовскую литературу. «Лиса Патрикеевна» зачитывается до дыр. Брошюра Ленина «К деревенской бедноте» только недавно дошла до нас в ограниченном количестве экземпляров и произвела фурор.

Мелитополь. В ночь с 9 на 10 августа было произведено около 15 обысков. Арестованы: Н. Вайнер (конторщица), А. Ельяшевич (наборщ.), Блукин (механик), Снеймер (инт.), Степан Шпак (раб.), Е. Эпштейн (выпущ.). У некоторых из арестованных найдена «Искра» и др. издания. Полиция была согнана из всего уезда. Жандармы, становые, урядники, даже городовые погрузились головой в конспирацию: то-и-дело шмыгают на фаэтонах, шушукаются на перекрестках. Какие-то подозрительные суб'екты «с беспокойной наглостью взгляда» фланируют по городу. «Славная стая» ищет материала, чтобы создать «дело». Жандармское рвение дошло даже до того, что с арестованных были сняты антропометрические измерения — последнее слово жандармской науки! (Общее распоряжение деп. пол. — Ред.). Ходят слухи, что арестованные начали голодовку. Причины неизвестны.

Ялта. В конце учебного года вышел у нас в отставку директор мужской гимназии Преображенский — человек довольно бесхарактерный, чиновник до мозга костей. Как директор он был хорош тем, что сравнительно мало давал себя чувствовать. Однако целый ряд «докладов по начальству» в просторечьи — (доносов), сыпавшихся на него со всех сторон в последнее время, делали тщетными все его старания сохранить за собой теплое местечко еще на пятилетний срок. Решающую роль сыграл тут донос самого таврического губернатора г. Трепова. В приезд свой в Ялту этот господин заметил, как он жаловался впоследствии, полный упадок дисциплины среди учащихся, выра-

зившийся в том, что при его приезде они не вытягиваются во фронт и не снимают фуражек. Напрасно оправдывались дети тем, что не знают его в лицо, так как и назначен-то он недавно; «рьяный блюститель» видит в этом следы «столь же безрассудного, сколь и преступного движения» — и в результате доклад в округ, решающий судьбу директора. Нового директора пока нет; но в каком духе будет «начальство», можно предвидеть по личности и «мероприятиям» только-что назначенного сюда инспектора Тюльпанова, бывшего преподавателя русской словесности в Ришельевской гимназии в Одессе. Перед от'ездом на место нового назначения г. Тюльпанов представился попечителю округа, который, предоставив ему самые широкие полномочия, взял с него торжественное обещание «поднять гимназию» и «очистить ее от всякой крамолы». Прибыв в Ялту, г. Тюльпанов немедленно имеет совещание с членом совета мин. народного просвещения графом Мусиным-Пушкиным и просит у этого последнего разрешить прибегнуть в своей «чистительной» работе к содействию полиции, в чем почтенный граф не находит, разумеется, ничего предосудительного, рекомендуя лишь обратиться еще к губернатору. И вот в первый же приезд губернатора в Ялту г. Тюльпанов у него с всепокорнейшей просьбой. Но, о ужас! то, что так улыбалось воспитателю российской молодежи, начальнику губернской полиции кажется... «как-то не совсем совместимым с достоинством школы». Однако, к счастью, скоро сраженный красноречием педагога, г. Трепов, вполне постигнув все преимущества полицейской слежки за учащимися, другими словами, уяснив себе, повидимому, смысл последнего циркуляра мин. о полицейском сердечном попечении, дал свою санкцию, но с тем все-таки, «чтоб это было неофициально»: «между нами, знаете ли, а то как-то неудобно». Действительно неудобно.

Борьба из-за паспортов.

Секретно.

М. В. Д.
Департ. Полиции
по особому отделу.
18 мая 1903 г.
№ 4765.

Гг. Губернаторам, градоначальникам и обер-полицмейстерам.

6 мая 1903 г. на Сенной площади г. Киева два неизвестных человека, посредством обмана, получили от крестьянина села Зраек, Кашперовской волости, Таращанского уезда, Семена Ефимова Марчука, годовой паспорт, выданный месяца два тому назад вышеупомянутым волостным правлением, а затем неизвестно куда скрылись. Принимая во внимание, что вышеупомянутым паспортом, по всем вероятиям, воспользовались кто-либо из нелегальных с преступными целями, деп. полиции имеет честь покорнейше просить вас сделать распоряжение об учреждении наблюдения за прибытием во вверенную вам область лица, имеющего при себе паспорт, выданный на имя Семена Марчука, а по обнаружении его подвергнуть задержанию и принять меры по установлению самоличности, уведомив о сем департамент.

Подписал: директор Лопухин. Верно: за завед. отд. Пешков. Сверял: пом. делопр. Саргано.

Восточная Сибирь (из письма ссыльного). Здесь получен на-днях секретный циркуляр следующего содержания: вновь приезжающих ссыльных размещать по отдаленным местам (среди инородцев), дабы они не могли оказать вредного влияния на население своей пропагандой; во всяком случае, не оставлять их в таких местах, где имеются средне-учебные заведения. Говорят, против Пантелеева выставлено было 8 обвинительных пунктов, среди которых фигурировали следующие факты: 1) в течение года из Сибири бежали 70 ссыльных, 2) ссыльные довольно успешно ведут пропаганду среди сибиряков, 3) красноярская история в марте... Кутаисов назначен для укрощения ссыльных. Он, говорят, большой поклонник Мещерского... Поговаривают о возобновлении ссылки в Обдорск. В Туруханск уже отправлено несколько человек (кажется, четверо).

СОБЫТИЯ В ФИНЛЯНДИИ.

Вскоре после нашей последней статьи были «официально» опубликованы (наконец-то) имена финляндских изгнанников, вынужденных палачами Финляндии за весну и лето покинуть отчизну. В этой второй группе опущены лица, которых приказано было арестовать в случае возвращения их из-за границы в Финляндию. Общее число всех «официально» высланных достигает 25. После этого 28 августа (нов. ст.) приказание удалиться в изгнание получили три члена выборгского магистрата гг. К. Седергельм, А. Аминов и О. Окессон, причем двум первым на от'езд назначен недельный, а последнему — трехдневный срок. Несколько времени тому назад «Финляндская Газета» «официально» сообщала о «преступлениях» выборгского магистрата, навлекшего на себя гнев Николая II за отказ исполнить беззаконные приказания беззаконного русского чиновника Фукса. Пародия «на местное правительство» — нынешний финляндский сенат — не только не попытался принять мер против применения этой диктаторской власти русского сатрапа, но, повидимому, даже одобряет ее и принимает посильное участие,—разумеется не официально, — в этой „полезной" политической травле истинных финляндских патриотов и граждан.

Бобриков и его сподручные широко воспользовались своим новым «правом» отменять решения самоуправляющихся общин, запретив выдавать уволенным весною царем (т. е. Плеве) бургомистрам жалованье, пенсию и т. п. Это мероприятие обер-палач предложил сенату применить по отношению к бывшим бургомистрам: гельсингфорскому — Эману и гангескому — Стенстрему. Раньше подобное распоряжение было сделано относительно остальных бургомистров.

«Верные» царские слуги повсюду суют свой нос. На-днях один цензор в сопровождении полицейского комиссара и городового совершил нашествие в грандиозную гельсингфорскую народную библиотеку, которая властью так назыв. нюландского губернатора Кайгородова была закрыта два дня, пока этот почтенный критик выбирал все вредные для народа книги. Сему мужу не понравилось 49 томов, которые он и унес с собою. В библиотеке полиция разломала замок в одном шкафу, в котором находились запрещенные цензором раньше книги, а потому и не выдававшиеся публике. Теперь же цензору захотелось их попросту конфисковать, а так как ключ от злополучного шкафа был у жившего на даче библиотекаря, то решили прибегнуть к более энергичным мерам. Характерно, что цензор сваливал вину за закрытие библиотеки и взлом на полицию. Подобную операцию этот же самый господин произвел в двух пригородных отделениях народной библиотеки, причем в одном из них он соблагоизволил не одобрить 14 томов, а другим он остался доволен. Цензор-сыщик Бьеркстен действовал по распоряжению главного финляндского управления по делам печати. В Финляндии никогда не существовало особой цензуры для библиотек, но и это усовершенствование азиатской культуры, как видим, обрусители спешат пересадить на финляндскую почву. Кайгородов приказал еще в июле гельсингфорскому магистрату собрать точные сведения обо всех публичных библиотеках Гельсингфорса, но он не удовольствовался одними лишь статистическими данными. Ему понадобились самые точные списки вла-

дельцев всех библиотек, в которые так или иначе имеет доступ публика.

Вопреки наивным мечтам консервативной партии старо-фенноманов, царское правительство дает все видные места в Финляндии русским. На-днях на пост главного директора правительственных железных дорог после Стремборга назначен русский полковник Драчевский.

Охотятся за так назыв. «нелегальной» финляндской литературой, но до сих пор их старания не увенчались особым успехом. Несмотря на все их попытки, «нелегальные» шведские и финские газеты выходят преисправно до четырех раз в месяц и во-время доставляются подписчикам. Поэтому легко можно себе вообразить радость царских сыщиков, когда они по доносу 21 июля (нов. ст.) произвели обыск у брандмейстера г. Або Сольмана и нашли несколько десятков «Fria Ord» [23], разложенных в конверты для абоских подписчиков. С 24 июля он сидит в абоской тюрьме и обвиняется в распространении нелегальной литературы, противоправительственной агитации и... в преступлении против величества. Его дело два раза уже разбиралось ратгаузским абоским судом, но еще не окончено. Кроме того, Сенат вошел с особым представлением к царю о возобновлении дела по последнему пункту, так как Сольман, дескать, провинился, между прочим, против самого Ники. Судя по судебным отчетам, обвиняемый вел себя превосходно на жандармских допросах и во время обыска, против которого он протестовал. Совсем иначе поступила большая часть пожарных, которые откровенно показывали против своего бывшего начальника. Во время обыска пришел живший у С. исполнявший его должность губернский архивариус Вальстен. Последний осмелился не допустить конфискации пожарных книг, за что и поплатился лишением своего места.

Вообще за последнее время поработители Финляндии не раз имели случай ликовать. На-днях в газетах было опубликовано всемилостивейшее прощение Бобриковым 328 юношей, не явившихся в 1902 г. в призывные по воинской повинности присутствия, а теперь раскаявшихся. Недавно так же поступило 79 человек. Подобные грустные явления следует в значительной степени приписать контр-агитации старо-фенноманов, все еще чающих от клятвопреступника «великих и богатых милостей». Вообще с весны началась в Финляндии реакция и наступило переходное время. Близкое будущее покажет, какое направление должна принять борьба финляндцев с российским самодержавием.

Число финляндских эмигрантов, уехавших через Ганге в Америку, с 1 января по 1 августа достигло 12.185 человек, кроме того, многие эмигрировали без паспортов. Вот одно из последствий разгрома Финляндии.

Преследуя «агитаторов», самодержавие милует всех финляндских изменников. Так, на-днях об'явлены милости: медали и денежные награды 12 лицам — главным образом городовым — за содействие проведению нового «закона» Куропаткина. Тот рабочий Лайне, который произнес весной речи от лица облагодетельствованных Бобриковым пострадавших от безработицы рабочих, вскоре после окончания этого чудесного насыщения в казармах, сделался сыщиком и подал, между прочим, ложный донос на одного рабочего за противоправительственную агитацию. Истраченные на кормление средства Бобриков покрыл из финляндской казны, хотя в свое время чего только ни говорилось по этому поводу о великодушии русского царя! Он щедр на народные деньги. Можно ли после этого сомневаться в провокаторском назначении странной благотворительности Бобрикова? (См. № 37).

P. S. С 17 по 20 августа (нов. ст.) в фабричном местечке Форсса состоялся второй конгресс финляндской рабочей партии [24]. В нем приняло участие 96 представителей от 48 рабочих союзов. Этот конгресс, бесспорно, останется навсегда памятным в истории финляндского рабочего движения: на нем партия приняла наименование Соц.-Дем. Финляндской Партии и утвердила выработанный комиссией проект программы соц.-дем. партии. По разным соображениям мы откладываем перевод этой обширной программы (из четырех отделений) до следующего номера. Тогда же в специальной статье мы предполагаем познакомить читателя и с некоторыми другими вопросами, связанными с конгрессом.

[В. М. Смирнов]

ХРОНИКА РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ и ПИСЬМА С ФАБРИК И ЗАВОДОВ

Екатеринослав (рассказ участника событий; см. № 47).

На следующий день, в субботу 9 августа, заводские поселки были окружены плотным кольцом солдат, которые очень немногих пропускали из города в селения и никого обратно. Ораторы разными обходными путями все же проникли туда и таким же образом вернулись в город. Внутри поселков были казаки и полиция. Стачечная комиссия, не имея надежды провести толпу в город через цепь солдат (Амур отделен от гор. Днепром, мост через который был заполнен солдатами; Кайдаки лежат в 3—4 верстах от города, а на протяжении всего пути в Кайдаки также стояло войско), решила вести собрания на местах: Чечелевке, Кайдаках и Амуре. Надо было также организовать собрания для городских рабочих — в городе. Но для этого требовались большие организационные силы, которых у стачечной комиссии не было: город был на военном положении: забастовка совпала с моментом маневров войск. С 5 — 6 часов утра на Чечелевскую площадь у народного театра потянулись рабочие небольшими группами и в одиночку со слободок Фабричной, Шлистовки, Чечелевки и из города; собрание обещало быть грандиозным. Полиция, прекрасно знавшая и о собраниях в других местах, главные свои силы все же сосредоточила на Чечелевке, решив ни за что не допустить собрания здесь, и вся Чечелевская площадь была запружена войсками. На рабочих, идущих к площади, наскакивали казаки и полиция и били их нагайками. Полицмейстер же с кавалькадой городовых раз'езжал по Чечелевке и из встречающихся ему лиц по внешнему виду определял, кто враг царю и отечеству, и таких приказывал арестовывать. Но, не обладая духом настоящей ищейки, он во время охоты не раз прозевывал ораторов, покровительственно пропуская их, как неопасных людей. В 9 час. утра полицмейстер, довольный результатами своей работы, отправился в город триумфатором: сам впереди на паре, гордо развалясь в коляске, сзади него шли двое арестованных — мужчина и женщина, а дальше орава конных городовых. Войско и казаки остались на площади. Много рабочих разбрелось по домам, но немало все же продолжало толпиться на улицах Чечелевки. Казаки время от времени делают набеги на улицы поселка, кой-где рабочие разбегаются, кой-где они встречают казаков камнями, в последнем случае казаки вихрем летят назад. Подростки, как всегда, впереди старших, гикают, кувыркаются, дразнят казаков, бросают каменья в них. Ораторы пользуются скоплениями народа; там и

сям раздаются их горячие речи и призыв к борьбе, к продолжению стачки, к свержению самодержавного строя. В двух-трех местах образуются собрания по 200 — 500 человек в каждом, продолжаются часа по три, по четыре. Десятки раз раздаются боевые кличи, которые иногда прерываются казаками. Рабочие тогда скрываются в соседние дома, ворота и двери которых широко распахиваются для них и моментально же за ними накрепко запираются. Рабочее население Слободки хорошо знает свои обязанности, не в пример городским обывателям Екатеринослава, которые вели себя позорно в эти дни. На Кайдаках собралась толпа в четыре-пять тысяч, которая внимательно слушала оратора. Последний рисует неприглядную жизнь рабочих, указывает на необходимость изменения ее, формулирует главные требования, которые должны выставить рабочие во время стачки, и выясняет значение этих требований. Затем появляется полицейский, который раздает рабочим об'явление от губернатора о незаконности сходок и об ответственности, которой подвергаются нарушители порядка. Один из рабочих читает вслух это об'явление; нелестные и не вполне цензурные возгласы слышатся во время чтения; когда же чтец доходит до угроз, что будет пущено в ход холодное и огнестрельное оружие, многие из толпы приходят в бешенство: «Вас, негодяев, самих надо всех перебить! Кровопийцы, мало еще крови вы пили из нас...» и т. д. «Долой самодержавие! Долой царских опричников!» — раздаются крики из разных мест. Перед собранием новый оратор. Он поздравляет рабочих со всеобщей забастовкой г. Екатеринослава, с великой всеобщей забастовкой юга России, кратко рисует экономическое положение рабочих и указывает на стачку как на средство борьбы за лучшую долю. Затем он напоминает товарищам только-что прочитанное об'явление вице-губернатора, приводит закон о стачках и об'ясняет, кто в России издает законы. Далее он указывает на цепь солдат, окружающих поселок, и говорит об убитых за стачку, раз'ясняет, в чьих руках власть над солдатами, кто повелевает ими, и призывает собрание не страшиться назвать второго своего врага — царское правительство. Затем оратор рисует политический гнет в его целом и говорит о палачах и т. п., о стачках вообще и всеобщей стачке в частности, которую он приветствует как первый шаг борьбы массовой, борьбы не только экономической, но и политической; говорит о печати, народном образовании, о правовом положении рабочих и крестьян, о братоубийственной войне в Китае, о причинах, вызвавших ее; проводит идею единства рабочего класса всего мира; говорит о ненормальности расовой вражды рабочих России и из всего делает один вывод, что самодержавное правительство злейший враг рабочего класса. Возгласы «долой царство хищников!» «долой самодержавие!» много раз оглашают воздух. Многие после речи жали руку оратору. Следующий оратор говорил на ту же тему. Потом опять говорил первый оратор. Темой второй его речи было: «Кто наши внутренние враги». Оратор дает картину жизни трудящихся и эксплоататоров при теперешнем капиталистическом строе и рисует социалистический идеал будущего... «Я отдам тебе все свои четыре дома, дай только нам этот социализм», — крикнул кто-то из толпы (мастер, как после выяснилось). Оратор указал, что социал-демократическая партия ведет народ к этому будущему, что эта партия есть не только в России, но и в других государствах; всюду она встречает вражду капиталистов, а в России, сверх того, и ненависть самодержавия. Рассказывает он о гнусностях, проделываемых правительством по тюрьмам и ссылкам над борцами за социализм, и указывает, что в других государствах народ давно уже сверг самодержавие и управляется народным собранием — парламентом. Подробно об'ясняет, какой смысл кроется под словами «политическая свобода» и зачем она нужна рабочим. Речь свою оратор кончает словами, что наши внутренние враги не социал-демократы, как в этом хочет убедить правительство, а оно само, само русское самодержавие. «Да здравствует социализм! Да здравствует политическая свобода! Да здравствует социал-демократия!» — много раз повторяется толпой. Многие рабочие закричали: «Товарищ, об'ясни нам, как другие народы добыли свободу, мы хотим научиться у них». Оратор сильно устал, это заметили многие из толпы и крикнули, что надо дать отдохнуть оратору. Сколько трогательного внимания оказали ему рабочие! Оратора посадили на возвышенное место; образовали стражу, не допускавшую к оратору толпу, которая теснилась к нему и задавала разные вопросы по поводу речей; принесли воды, лимонада, пива для оратора. После получасового перерыва оратор ответил на вопрос толпы, как добыли себе право рабочие других стран, рассказал кратко о нескольких французских революциях, о революции 1848 года в Германии, указал на признак приближающейся революции у нас: на демонстрации, на ростовские события, на всеобщие забастовки на юге, на крестьянские волнения, на недовольство либеральных слоев общества и закончил речь возгласом: «Да здравствует революция! Да здравствуют всеобщие стачки!». Возгласы с энтузиазмом подхватываются толпой. Оратор собирается уйти, но толпа теснится к нему; иные просят, другие требуют, чтобы он остался с ними ночевать в их поселке, завтра говорил бы еще с ними, вел бы на стачку, говорят, что они одни не знают, что должны делать. Оратор об'ясняет рабочим, что у него есть еще дела в городе, что он постарается завтра утром быть здесь, а сегодня он должен уйти. «Мы на руках отнесем тебя в город, чтобы никто не смел тронуть тебя по дороге!» — кричат из толпы. Оратор говорит, что из-за себя он не хочет подвести их под удары нагайки, а, быть может, и под нечто худшее и постарается пройти один, но что, если будут его арестовывать на глазах толпы, то они должны его отбить. «Не посмеют арестовать здесь, не дадим арестовать тебя; а каменья-то зачем?» — раздается со всех сторон. Оратор уходит в сопровождении нескольких человек. Собрание дружно и много раз кричит ему «ура». Оратору (женщине) удалось по дороге сбросить с себя верхнее платье, и она спокойно пошла с двумя рабочими вглубь поселка. Остальные рабочие разошлись, видя, что опасности нет, а защита обеспечена. Но полиция устроила засаду. Подбегает рабочий, говоря, что сзади бегут околоточный надзиратель с двумя городовыми, что полиция все время следит. Полиция была в двадцати шагах; приходилось спасаться бегством. Преследуемые забежали в первый попавшийся двор, оттуда через огороды выскочили на другую, а потом на третью улицу, вбежали в незнакомый дом и попросили себе приют. Женщина с полной готовностью дала его, сказав, что мужья приказали женам впускать в дом всех, преследуемых полицией. Затем она дала переодеться в свое платье. Услышав, что погоня близка, она предложила спрятаться в большой сундук, где можно будет устроить и постель на ночь. Пришлось согласиться и лезть в сундук. К счастью, явился рабочий, который обходными путями отвел в другой дом, лежащий далеко от места засады. Там пришлось сидеть до вечера, а затем при помощи рабочих удалось пробраться в город. Необходимо заметить, что во всей этой истории участвовали рабочие, не состоящие в организации. На Амурской площади собралась толпа тысяч в пять с Амурского и Нижнеднепровского поселков. Выступало 5 ораторов социал-демократов, говорили речи на те же темы, что и на Чечелевке в первый день собраний. Хороша была речь об экономическом положении рабочих, о требованиях, которые должны выставить рабочие во время стачки, а также речь о необходимости политической борьбы. Полиция присутствовала на собрании, слышала дружные революционные возгласы, но собрания не разгоняла. В воскресенье было вывешено новое об'явление от исполняющего должность губернатора, в котором рабочие призывались в понедельник встать на работу; обещалось помощью войска оберегать желающих работать от насилий стачечников. В воскресенье был заметен перелом в настроении рабочих. Чувствовалось угнетенное состояние духа. На Чечелевке опять нельзя было собрать компактной массы и пришлось, как в пятницу, организовывать летучие собрания с теми же особенностями, которые были уже отмечены раньше. Причина та же: полиция продолжала концентрировать главные силы в этом пункте. Речи, по желанию собравшихся, большею частью были экономического содержания. На Фабричной слободке также собралась толпа и требовала оратора. Послали в город. Стачечная комиссия не предвидела нового места собрания; ораторы перед тем ушли на собрания в другие места, а потому она не смогла удовлетворить требование. Как велико было собрание и что происходило на нем — не знаю.

На Кайдаках собралось не более 1.500 человек. Многие не были на собрании потому, что были в церкви. Выступало четыре оратора. И здесь, по желанию толпы, речи велись больше на экономические темы. Ораторы старались возбудить энтузиазм толпы; горячо призывали держаться за стачку, но настроение продолжало быть подавленным. На Амуре к назначенному времени (в 8 часов) на площади почти никого не было. Лишь к часам 9 — 10 стали собираться рабочие. Собралось 500 — 600 чел. Прискакали казаки с исправником во главе и разогнали с площади толпу. Но рабочие толпились в боковых улицах, во дворах соседних домов и не уходили домой. Толпа прибывала. Казаки время от времени приезжали на площадь, врезывались в толпу, но не били (некоторые казаки говорили: «Не разбегайтесь; мы вас не тронем»). К 11 часам рабочих стало до 5 тысяч человек. Толпа разделилась на две части вокруг двух ораторов. Один оратор говорил речь политического содержания, другой — экономического, опять-таки подчиняясь желанию толпы.

Один из ораторов, заметив угнетенное состояние толпы, решается вывести ее из этого состояния таким приемом: он предлагает вызвать фабричного инспектора и вручить ему свои требования. Показывается околоточный надзиратель, и ему передают требование, на которое через некоторое время следует ответ, что инспектор болен. Тогда оратор предлагает вызвать местного исправника; тот уже наверняка здоров, он только-что проезжал с казаками. Околоточный уезжает, обещая скоро дать ответ. Оратор просит принести ему табурет, становится на него, чтобы все его слышали, и говорит речь. Он овладевает вниманием толпы. Тема речи все та же: тяжелое экономическое и правовое положение рабочих. После получасовой беседы, затронув многие больные места рабочей жизни, оратор раскрывает собранию второго их врага — царское правительство (осторожность политической агитации вызывалась тем соображением, что толпа была очень малосознательная). Речь была прервана заявлением приехавшего околоточного, что исправник готов выслушать собрание и дает им полчаса свободы для обсуждения своих требований. Оратор формулирует требование за требованием. Собрание одобряет их. Околоточный надзиратель не раз говорит толпе: «Чего вы слушаете бабу? Своих голов на плечах нет, что ли?» — «Отчего же не послушать женщину, ежели она говорит разумные речи? Тебя, что ли, слушать?» — говорят ему в ответ. Требования сформулированы и записаны, оратор предлагает выбрать кого-либо из рабочих для переговоров с исправником. Собрание просит оратора взять на себя эти переговоры, но он отказывается, мотивируя тем, что, если будет говорить женщина, то администрация скажет, что требования выставлены не рабочими, а злоумышленниками. Собрание предлагает оратору выбрать, кого он хочет, а некоторые рабочие предлагают одного товарища. В конце-концов, последнему и поручают переговоры с исправником. К оратору протискивается старик-рабочий: «Матушка, нас то не забудь, родимая!». — «Нет, старик, и о тебе сказано: пожизненную пенсию тебе требуем», — отвечают ему многие рабочие сразу. Только-что успели справиться со своими делами, как прибыл исправник в сопровождении околоточного надзирателя. «Шапки долой!», — командует околоточный. Потянулись-было некоторые руки к шапкам, да остановили их товарищи и крикнули: «Сними сам сначала, а потом посмотрим и мы». «Выходите, кто хочет говорить со мною» — сказал исправник. «С вами говорить открыто нельзя, будут говорить из толпы», — отвечают ему. Рабочие плотно сомкнулись вокруг своего доверенного, подняли руки кверху, чтобы исправник не мог заметить, кто с ним говорит. Рабочий читает требования, всего 28 пунктов, а исправник записывает их в книжку. Первое требование — восьмичасовой рабочий день, второе — увеличение заработной платы, третье — уничтожение ночных работ, четвертое — уничтожение сверхурочных работ. «Так, так, я это вполне понимаю и одобряю», — говорит исправник. Пятое требование — запрещение принимать на работу детей до 16-летнего возраста. «Неужели, господа, вы все хотите этого, не верю, ведь вы сами создаете себе нищету». — «Им нужно учиться грамоте... Им нужно окрепнуть физически... Ведь наши ребята в 12 лет стариками выглядят...», — раздаются со всех сторон горячие возгласы. Шестое требование — выборная (рабочими) фабричная инспекция. «Ну, этого я даже записывать не буду. В нашем государстве не выбирают, у нас начальство кого назначит, тому и быть инспектором... Видите, чего придумали!». Оглушительное «требуем!» раздалось в ответ. Седьмое требование — разрешение кассы взаимопомощи рабочих, но без малейшего вмешательства в дела кассы хозяев и правительства. Восьмое требование — свобода собраний рабочих для обсуждения своих нужд, и исправник вполне одобряет... Далее идут требования больницы, бесплатного лечения на дому, библиотеки, училища, бани, улучшения мастерских (в санитарном отношении), пожизненной пенсии старикам, выдачи заработной платы во время болезни и пр. Исправник некоторые требования одобряет, другие молча записывает. «Требуем освобождения товарищей, арестованных за стачку». — «Этого нельзя требовать, а можно просить, я передам вашу просьбу губернатору». — «Мы все стачечники, так берите же нас всех. Мы силой их освободим. Требуем, требуем». Рабочие приходят в сильное волнение. «Чтобы не смели их бить, не смели над ними издеваться! Что делаете, злодеи вы, над нашими товарищами? Если будете продолжать истязания, то мы разобьем участки!», — слышатся крики. Исправник ежится и молчит. Следующий пункт требует вежливого обращения полиции с рабочим населением на улицах города и поселков. «Вот до чего вы дошли, понимаю!» — изумляется исправник. Крики усиливаются, рабочие напоминают исправнику и околоточному зуботычины, пощечины, полученные от них... 28 пункт — «мы требуем, чтобы на казенные и частные заводы принимали рабочих без различия национальностей». «Ну, господа, это чорт знает что такое. Вы хотите жидов допустить до работы; ведь, если вы дадите им наступить лишь на кончик ноги, так они взберутся вам на шею. Это уж, конечно, злонамеренные люди вас подучили», — защищает интересы русских рабочих исправник. «И евреи такие же рабочие, как и мы, и еврей-рабочий — наш брат», — отвечают ему из толпы. «Ну, господа, я выслушал вас, записал ваши требования, представлю их на рассмотрение заводского начальства, а также губернатора. Теперь идите по домам, а завтра выходите на работу». — «Подпишите наши требования, вывесьте их в мастерской; тогда пойдем на работу», — слышится в ответ. Давно уже исправнику не нравится беседа, но он все надеялся провести рабочих. Последние слова приводят его в бешенство. «Господа, вы кричите, вы не исполняете ваших обещаний; я прекращаю с вами разговор; а если вы сейчас не разойдетесь по домам, я пришлю сюда казаков, и они вас нагайками разгонят». Он быстро уезжает от толпы. Насмешки, остроты сыплются ему в догонку. Оратор об'ясняет рабочим только-что происшедшую сцену с исправником, призывает держаться за стачку, заканчивая собрание возгласами: «Да здравствует всеобщая забастовка! Да здравствует рабочий класс!». Рабочие, бодрые, расходятся по домам с тем, чтобы завтра вновь собраться. Оратор узнал от некоторых, что рабочие на Нижнеднепровске решили итти завтра на работу. Он поспешил вместе с несколькими товарищами в Нижнеднепровск. Собралось до 500 рабочих, и оратор произнес перед ними речь. Обрисовав условия жизни рабочих, он затем указал на слух, будто рабочие хотят итти на работу, и призывал именем убитых и раненых товарищей продолжать борьбу. В конце речи оратор призывал собрание дать товарищескую клятву не итти на работу, а каждого вставшего раньше других на работу заклеймить именем предателя. Толпа горячо поддержала предложение. Не трудно было бы продолжать политическую и социалистическую агитацию, но оратор был совсем без сил, а потому ушел с собрания, пригласив рабочих притти завтра на собрание на Амуре.

Стачечная комиссия, которой было известно угнетенное состояние рабочих, решила употребить всяческие усилия, чтобы не допустить их начать работу. Ранним утром в понедельник пошли ораторы на Чечелевку и Кайдаки. На Чечелевке собрать рабочих не удалось. На Кайдаки ораторы совсем не смогли пробраться. Войско стояло внутри поселков, на пути к заводам и вокруг заводов. По всему Брянскому району на работу явилось подавляющее большинство рабочих, даже те, которые должны были ра-

ботать в ночных сменах, пришли на заводы. Встали они на работу, не пред'явив никаких требований. Начали работу все заводы: железнодорожные мастерские, завод Эзау, Брянский завод, Трубопрокатный и Гвоздильный. На Амуре и Нижнеднепровске почти никто не явился на работу. Рабочие собрались на Амуре в количестве нескольких тысяч. Оратор сформулировал многие требования рабочих по отдельным цехам заводов. Приехал исправник, чтобы выслушать требования, но налетели казаки и в присутствии исправника начали неистово бить рабочих нагайками.

В городе некоторые мастерские уже начали работу, некоторые без уступок со стороны хозяев, другие получили кое-что.

Собрать толпу было невозможно: ее каждый раз разгоняли нагайками. В понедельник вечером было вывешено об'явление от вице-губернатора, в котором указывалось, что большинство рабочих Брянского района стало на работу, и там работа идет нормально; на Амуре и Нижнеднепровске работы не могли начаться в виду слишком малого количества пришедших на работу; вице-губернатор назначил среду крайним сроком для начала работ, не вставших на работу к этому дню он вышлет на родину.

В среду Брянский район работал при полном составе, Амур и Нижнеднепровск — лишь на некоторых заводах и при малом количестве рабочих; в городе значительное количество мастерских не работало.

Стачечной комиссией за эти дни были выпущены два бюллетеня о событиях во время стачки, по 1.000 экз. каждого (печатные). Комитетом, признавшим «Искру», выпущены следующие печатные прокламации: 1. «Ко всем рабочим г. Екатеринослава», 1.800 экз., в ней выясняется значение стачки на юге России, призываются рабочие к забастовке и выставлены главные требования социал-демократической партии. 2. «Как держать себя во время стачки». 3. Стихотворение с призывом к борьбе, 1.500 экз. 4. «Ко всем рабочим г. Екатеринослава» по поводу прекращения забастовки, 1.000 экз. 5. Стихотворение по поводу выстрелов в толпу и убийств. 6. Гектографированные прокламации агитационного характера, формулирующие частные экономические требования для отдельных заводов и для каждого цеха в крупном заводе. Такие прокламации были выпущены к заводам: Брянскому, Эзау, вагоностроительному и к жел.-дор. мастерским.

Другой социал-демократической организацией были выпущены печатные прокламации: 1. «Ко всем рабочим г. Екатеринослава», 2. «По поводу убийств», 3. «К солдатам» и 4. гектографированная «К Брянскому заводу».

Ольга [Громан].

Одесса. К оценке результатов стачки надо сказать, что в общем настроение в массе хорошее; громадный спрос на литературу, а ее нет. Листки по поводу разговора с Лопухиным просто рвали из рук, — выпущены 5.000, далеко нехватило. В организацию прибывает масса новых рабочих; многие из независимых переходят к соц.-демокр., раскаиваясь в том, что они раньше не понимали, «где правда». Среди строительных рабочих очень бодрое настроение, о политике на собраниях слушают очень охотно. Ощутительные результаты стачки у них: работают до шести часов, а прежде работали до зари. Здесь основалось новое общество во главе с земским начальником Волганецким. Состав его — весь с'езд земских начальников Одесского уезда и им сочувствующие. Цель общества — пропаганда взглядов Крушевана и распространение «Знамени». Все члены общества обязуются выписывать эту, с позволения сказать, газету, а также распространять ее, главным образом при помощи волостных правлений. Для начала общество отправило сочувственный адрес Крушевану. Крушеван ответил благодарственным письмом, в котором сетует на свое одиночество и на тот страх перед «либералами», которому подвержены даже чиновники и который не позволяет им высказывать свои взгляды. «Но скоро истина восторжествует», — заканчивает свое послание Крушеван.

Шуя (письмо рабочего). В ночь с первого на второе мая с. г. у нас в гор. Шуе сгорели литейные мастерские завода Муравьева, причем во время пожара сгорел и расценок, по которому работали литейщики. При тушении пожара были и мастера других заводов. Некоторые из них получили страшные ушибы и покалечение своих членов. Некоторые лежали даже в больнице. По выходе из больницы ушибленные рабочие стали просить вспомоществования из штрафного капитала. Но литейный мастер Ефим Павлов сказал, что штрафных денег нет. Рабочие говорят: «мы получили ушибы у вас на пожаре, стараясь спасти хозяйское добро», но мастер отвечает: «мы вас не заставляли тушить». Наоборот даже, полиция содействовала заводской администрации, чтобы рабочие шли на пожар. Между прочим, когда брату литейного мастера Иванову кто-то прорезал ножом бок в доме терпимости, его положили в больницу и в течение 3-х месяцев выдавали по 15 рублей каждый месяц из штрафных денег. Штрафовали за каждую малость, а говорят, что денег нет. После пожара завод ремонтировался две недели, и мастерам, конечно, ничего не платили, а когда принялись за работу, то вывесили расценок, ни на что не похожий, на соль с трудом заработаешь. Рабочие принуждены были бросить работу (литейный цех). Дали друг другу руки и слово не работать по новому расценку. Таким образом, еще две недели не работали, но оказались прохвосты: один взрослый рабочий Волков и мальчики стали работать. Более порядочные литейщики не работают и до сего времени. Кто много говорил, того не берут, а другие сами не идут. Теперь же литейщиков набрали частью из Иваново-Вознесенска, частью кого откуда. Работают по пониженному расценку. Требование литейщиков было: долой мастера за грубое обращение и безмилосердные штрафы. Иванов очень зазнался, говорит: «Я здесь царь и бог, что хочу, то и делаю, а не хочешь повиноваться, уходи за ворота». А куда итти, когда за воротами резервная армия рабочих?

Тот же рабочий пишет: В первых числах месяца июля у нас в городе были расклеены прокламации (не местного характера, а случайные). Содержание: к товарищам и три речи сормовских рабочих-демонстрантов на суде. Рабочие, повидимому, остались очень довольны прокламациями. Группируются и говорят: «Спасибо тем людям, которые стараются раз'яснить нам наше положение». На фабрике Терентьева, где страшно прижимают рабочих, поговаривают о выходе из фабрики, но только оказывается, что нет таких решительных рабочих, чтобы первые начали. Одним словом, в Шуе недовольство рабочих растет с каждым днем все больше и больше. Безработных много. Почва для пропаганды и агитации самая благоприятная, но сил и средств у нас нет. Шуйская интеллигенция спит в духовном смысле слова, проводит время для себя лично, хотя у нас в город приехало на каникулы много учащейся молодежи (студ. и друг.), но они проводят время в разговорах с кисейными барышнями или занимаются в виде отдыха псовой охотой с возлиянием спиртных напитков. От кого же ждать нам помощи? Шуйская социал-демократическая группа бедна, средств нет, спрос большой на литературу легальную и нелегальную. Поэтому просим всех сочувствующих рабочему делу помочь для г. Шуи, кто чем может.

Томна (четыре версты от Кинешмы). И сюда дошли отголоски грандиозной стачки-демонстрации костромских рабочих. Под влиянием последней в начале июля здесь вспыхнула стачка на фабрике Разоренова и Кормилицина (4.000 рабочих). Стачка носила стихийный, бурный характер. Вызваны были войска. Оцепляли фабрику.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРЕНИЕ

С'ЕЗД ГЕРМАНСКИХ СОЦ.-ДЕМОКРАТОВ *.

Все мы с нетерпением ждали Дрезденского партейтага, ждали, как поведут себя наши немецкие товарищи после их блестящей, прямо поразительной победы 16 июня. Ка-

* Мы надеемся дать особую статью с разбором чрезвычайно интересных и поучительных прений на Дрезденском партейтаге; пока же печатаем краткое сообщение товарища, бывшего на с'езде.

залось, теперь немецкая социал-демократическая партия должна заговорить совершенно иным языком. Ведь теперь она уже не партия, едва пробивающая себе дорогу, — право на ее существование никем уже больше не оспаривается. Она — сила, и это прежде всего признают ее ближайшие противники: немецкое правительство и немецкая буржуазия. 16 и 25 июня немецкая социал-демократия как нельзя лучше доказала, что надежды консерваторов превратить рабочую партию из суб'екта законодательства в об'ект его есть не что иное, как утопия, нелепейшая химера. Трехмиллионную партию нельзя безнаказанно лишить тех прав, которыми она пользовалась до сих пор. Три миллиона взрослых мужчин в возрасте от 25 лет не отдадут добровольно того, что они считают своей неот'емлемой собственностью, своим правом.

Для нас казалось не подлежащим сомнению, что первый вопрос, которым займется партейтаг, должен быть вопрос о будущей тактике социал-демократии, об ее отношении к нелепым стремлениям консерваторов посягнуть на всеобщее избирательное право, стремлениям, которые проявляются все чаще и чаще. Каково же было наше удивление, когда председатель партейтага Зингер, с согласия совета партии, вдруг предложил собранию сейчас же после прочтения отчетов Совета и контролеров заняться вопросом об участии социал-демократических писателей в органах буржуазной печати... Наше удивление и даже некоторого рода разочарование разделяли, повидимому, и многие из немецких товарищей. «Неужели это самый насущный, самый существенный вопрос?» — вот что можно было слышать со всех сторон. Некоторые из ораторов также с недоумением спрашивали: «Неужели у нас нет более важных дел, чем разбор дрязг, возникших среди берлинских литераторов?». Клара Цеткин назвала даже весь этот вопрос, возбудивший столько прений и толков, бурей в стакане воды; а другой оратор поправил ее, сказав, что это буря не в стакане воды, а в берлинской луже. И тем не менее, партейтаг предпочел разобраться в этой луже, покончить с этим вопросом.

И вот, по мере того, как шли дебаты, как перед нами один за другим выступала целая шеренга самых отборных, самых выдающихся ораторов, для нас становилась все понятнее громадная важность разбираемого вопроса и полнейшая уместность постановки его на первое место. Бебель в своей прекрасной речи заметил: «Вполне естественно что у такой громадной, можно сказать, могучей партии, какой бесспорно считается немецкая социал-демократия, то тут, то там замечаются болезненные явления, то тут, то там является процесс нагноения, выступают нарывы». Он говорил далее, что как это ни неприятно, как подчас даже ни противно, но партия не должна, не имеет права отказаться от операции. В немецкой социал-демократической партии за последнее время стали, к сожалению, нередко наблюдаться болезненные процессы и проявляются они тем чаще, чем могущественнее и сильнее становится партия. Но это, вместе с ликованием врагов, не должно смущать товарищей, оно должно лишь указать на необходимость самой основательной, самой радикальной операции. Мы от души аплодировали словам Цубейля: «Это не берлинский вопрос, тут дело не в Бернгарте и Брауне, тут дело в симптоме, в течении, которое вот уже несколько лет стремится к тому, чтобы заставить нашу партию сойти с традиционной почвы, на которой она добилась таких колоссальных успехов, и превратить ее в буржуазную партию реформ».

За вопросом об участии социал-демократических писателей в буржуазной прессе скрывался вопрос об отношении всей партии к так называемому ревизионистскому течению господ Бернштейна, Гейне, Фольмара, Гере, Браунов и некоторых других. Партия не смогла решить вопроса о тактике, не выяснив предварительно самым решительным, категорическим образом вопроса о том, могут ли господа ревизионисты влиять на эту тактику или нет. Необходимо было подвергнуть исследованию процесс гниения, чтобы определить, насколько глубоко захватил он организм партии, и затем, если окажется нужным, произвести операцию. И вот, партейтаг приступил к операции, и, к вящему ликованию всей буржуазной прессы, корреспонденты которой в количестве 60 человек толпились тут же, он начал вскрывать один гнойник за другим. Он не побоялся открыто перед всем миром, жадно следившим за отчетами, обнаружить все свои язвы. «Наша партия, — говорит Бебель по этому поводу, — резко отличается от всех буржуазных партий. Когда нам приходится стирать наше грязное белье, мы не боимся производить эту стирку открыто перед всем миром... В этом именно величие нашей партии. Нам не принесет вреда эта стирка, после нее наша партия окажется еще величественнее, еще могущественнее»...

Мы, конечно, не станем передавать здесь всех подробностей этой стирки, которая еще не окончилась в то время, когда пишутся эти строки. Да нам и не важны эти подробности, нам важно лишь установить один очень и очень характерный факт. Много шумели ревизионисты, много испачкали они бумаги и извели типографской краски; но дрезденский партейтаг покажет, что им никогда не стать вожаками массы. Социал-демократическая масса осталась верна старым традициям, она не хочет знать новоявленных пророков. Лучшим доказательством этого служит то, что вопрос о ревизионистских стремлениях, возникших в рядах немецкой социал-демократии, был поднят, как это выяснилось из прений, не сверху, не вожаками партии, а снизу, ее массой. Вот перед нами 115 предложений, внесенных в партейтаг. Предложения эти внесены социал-демократическими союзами и другими организациями социал-демократической партии самых различных мест Германии; каждое из них вырабатывалось и обсуждалось на публичных собраниях, поэтому мы должны смотреть на них как на плод работы всей организованной массы немецкой социал-демократии. Если мы просмотрим все эти предложения, то должны будем признать, что среди них совершенно отсутствуют предложения, клонящиеся к пересмотру партийной тактики в духе Бернштейна и Фольмара и к измене традициям партии. Большинство из них, наоборот, дышит радикализмом, обогнавшим даже радикализм признанных вожаков. Вот несколько предложений, которые категорически требуют сохранения прежней тактики, резко высказываясь против какого бы то не было компромисса. Партийные товарищи XII саксонского избирательного округа (Лейпциг, город) предлагают, например, принять следующую резолюцию: «Партейтаг протестует против допущения какого бы то ни было участия в чествовании монархов и решительно порицает обнаруживавшиеся в последние годы ревизионистские стремления отдельных членов и известных направлений в тактических и партийно-принципиальных вопросах. Партейтаг вполне определенно высказывается против тенденции затушевать классовый характер нашей партии в расчете на получение той или иной кажущейся выгоды». Даже мюнхенский округ, тот самый округ, представителем которого является Фольмар, единогласно высказывается за резолюцию о «сохранении в неприкосновенности принципов партии и теперешней ее тактики».

Мы привели эти примеры для того, чтобы показать русским читателям, что не так страшен чорт, как его малюют. Напрасно буржуазная печать старается доказать, что немецкой социал-демократической партии грозит неминуемый раскол, если только она не подчинится требованиям ревизионистов и не спрячет в карман своего революционно-социалистического знамени. Дрезденский партейтаг, — как и предшествовавшие ему местные совещания, т. е. совещания организованной социал-демократической массы, — покажет всему миру, что никакого раскола в партии быть не может, что революционное знамя социал-демократии стоит так же незыблемо, как стояло до появления на сцену разных Гейне, Гере и К°. Все эти господа, еще вчерашние противники социал-демократии, вовлечены в ее ряды могучим ростом ее движения; все эти так называемые «академики» пришли туда не потому, что стали действительными социал-демократами, уверовали в принципы социал-демократии; они пришли, чтобы воспользоваться ею, чтобы при ее помощи пройти в люди, очутиться на депутатском кресле. Это усиленно подчеркивалось многими ораторами, которые настоятельно требовали, чтобы партия вела себя осмотрительнее при приеме в свои ряды таких господ. Они требовали также, чтобы при назначении на ответственные посты в партии предпочтение отдавалось бы не молодым академикам — только потому, что они носят это название, — а опытным лицам из рабочей среды. Что же касается первых, т. е. академиков, то при принятии их в партию реко-

мендовалось подвергать их некоторого рода искусу, т. е. заставлять их первое время работать наряду с простыми рядовыми и лишь после того, как новичок покажет, что интересы партии для него выше всего, только тогда поручать ему ответственный пост руководителя.

В заключение мне хотелось бы подчеркнуть товарищам еще одну важную особенность, резко обрисовавшуюся на Дрезденском партейтаге. Я говорю о партийной дисциплине, о той дисциплине, которая создала величие немецкой социал-демократической партии. Вот сейчас представители этой партии воюют между собою как самые злейшие враги; они преподносят другу другу такие комплименты, услыхав которые «Рев. Росс.», отличающаяся, как известно, бонтонностью, наверное, упала бы в обморок, а завтра... завтра меньшинство беспрекословно подчинится решению большинства, и в действительной работе ни один не посмеет действовать самовольно, вопреки постановлению этого большинства.

Даже такой человек, как Гейне, — этот самый буржуазный из всего правого крыла социал-демократии и притом самый ловкий и талантливый из ревизионистов, — говорит: «Мы принимаем тактику партии, мы подчиняемся этой тактике. Мы пойдем не своей дорогой, а дорогой, избранной партией; нас свяжет то, что постановит партия».

Да, есть чему поучиться нам у немецких товарищей!

Дрезден, 16 сентября 1903 г.

Приводим главную резолюцию с'езда, которая направлена против социалистического оппортунизма; она принята 288 голосами против 11 (Бернштейн и некоторые другие оппортунисты вотировали против; нашлись однако и оппортунисты, вотировавшие за):

«Партийный с'езд приглашает фракцию (т. е. социал-демократических депутатов в рейхстаге) заявить притязание на замещение поста первого вице-президента и первого секретаря в рейхстаге кандидатами из среды фракции, но в то же время отклонить придворные обязательства и не подчиняться никаким условиям, которые не предписаны имперской конституцией.

«Партийный с'езд осуждает самым решительным образом ревизионистские стремления изменить нашу прежнюю испытанную, увенчавшуюся победами, основанную на классовой борьбе тактику в том смысле, чтобы на место завоевания политической власти путем ниспровержения наших противников была поставлена политика приспособления к существующему порядку вещей.

«Последствием такой ревизионистской тактики было бы то, что вместо партии, которая работает над возможно более быстрым превращением существующего буржуазного общественного порядка в социалистический и которая, следовательно, является, в лучшем смысле слова, революционной партией, мы имели бы партию, которая удовлетворяется реформированием буржуазного общества.

«Партийный с'езд, в противоположность существующим в партии ревизионистским воззрениям, держится того убеждения, что классовые противоречия не сглаживаются, а все обостряются, и поэтому заявляет: 1) что партия снимает с себя ответственность за те политические и экономические порядки, которые основаны на капиталистическом способе производства, и что она не соглашается поэтому ни на какие ассигновки средств, способные поддержать правящие классы у кормила правления; 2) что социал-демократия, согласно резолюции Каутского, принятой международным социалистическим конгрессом 1900 г. [25], не может добиваться участия в правительственной власти в пределах буржуазного общества.

«Партийный с'езд осуждает, далее, всякое стремление затушевывать существующие и все растущие классовые противоречия с тем, чтобы облегчить сближение с буржуазными партиями.

«Партийный с'езд ожидает, что фракция попрежнему будет употреблять свою возросшую власть, которой она достигла благодаря увеличению числа ее членов и благодаря громадному росту стоящих за ней масс избирателей, для распространения ясных понятий о цели соц.-дем.; что она использует эту власть, сообразно принципам нашей программы, для того, чтобы отстаивать самым энергичным и настоятельным образом интересы рабочего класса, расширение и упрочение политической свободы и равноправия, чтобы вести еще энергичнее, чем возможно было вести до сих пор, борьбу против милитаризма и маринизма, против колониальной политики и политики мировой державы, против несправедливости, угнетения и эксплоатации во всех их видах, чтобы энергично добиваться развития социального законодательства и осуществления политических и культурных задач рабочего класса».

[М. Н. Лядов]

РУССКИЙ ЦАРЬ И ИТАЛЬЯНСКИЕ СОЦИАЛИСТЫ.

Когда стало известным, что итальянское правительство ожидает осенью ответного визита русского царя, итальянские социалисты решили протестовать против этого посещения, находя, что присутствие Николая II на итальянской почве равносильно оскорблению принципов свободы и гражданственности, равносильно чествованию «кнута и нагайки, тюремщиков сибирских острогов, клятвопреступников и живодеров финляндской свободы» («Tempo» № 233). 5 мая, во время заседания палаты, соц. депутат Моргари сделал запрос правительству относительно приезда царя; получив утвердительный ответ от товарища министра иностранных дел, Моргари заявил, среди свиста и рева правой и центра: «Передайте в Петербург, что, если царь решится приехать в Италию, мы его освищем!»

Пароль был брошен. Итальянские социалисты взялись за работу. «Римский социалистический союз» [26], на долю которого выпадает главная работа по устройству подобающей встречи царю, выработал следующую программу «торжеств»: 1) В день приезда царя в Италию все рабочие и крестьяне воздерживаются от труда, вступая таким образом во всеобщую стачку. 2) В день приезда и в час, который будет указан, все рабочие и крестьяне собираются на площади города или деревни и подают в коммунальное управление коллективный протест для передачи его правительству. 3) Вдоль всей железной дороги, по линии следования царя, товарищи призывают народ к свисту. Устройство всеобщей забастовки и свиста в Риме принял «Союз» на себя («Tempo» № 243).

В то время как местные организации пропагандировали антицаристскую демонстрацию в Италии, соц. депутат и главный редактор партийного органа «Avanti» [27] Энрико Ферри обратился с запросом к международному социалист. бюро в Брюсселе, прося его высказаться по поводу начатой Моргари кампании. Бюро большинством голосов (против Германии, Голландии, Дании) приняло сочувственную итальянцам резолюцию. По поводу этой резолюции «Рев. Росс.» считает нужным бросить камешек в наш огород. «Нас удивляет, — пишет она, — что в отчете не указано, высказывался ли и в каком именно духе единственный представитель русских социалистов на конференции». Чтобы успокоить «Рев. Росс.», приведем мнение товарища Плеханова, официального представителя в бюро, — высказанное им в интервью с корреспондентом миланской соц. газеты «Tempo»: «Я не говорю, что итальянские товарищи должны непременно свистать: они сами найдут наиболее подходящее средство протеста... но я думаю, что, прежде чем царь покинет Рим, итальянский пролетариат, путем внушительного протеста, должен выразить порицание тому гнусному порядку, представителем которого является Николай II». («Tempo» № 248).

Однако то сочувствие, которое антицаристская пропаганда встретила в Международном Социалистическом Бюро [28], в среде итальянского пролетариата и даже в среде демократической публики и молодежи, не остановило оппортунистов с Турати во главе. Протестуя против такого недипломатичного шага, как враждебная демонстрация, они выдвигают обычный козырь всех оппортунистов — соображения международной политики. В органе Турати «Critica Sociale» помещена неподписанная, повидимому редакционная, статья: «Посещение государей и сближение народов». Стараясь доказать, что взаимные визиты государей и президентов республик служат прогрессивному сближению народов, автор статьи заключает: «Россия, которую, в лице ее официального представителя, принимают во Франции и Италии, как дружественное государство, при звуках «Марсельезы» и гимна гарибальдийцев, эта Россия скорее станет конституционной страной, откуда быстро исчезнет политическое угнетение, чем та Россия, которую, ради сантиментальных соображений, держат вдали от демократического Запада и гонят в азиатское варварство». («Cr. Soc.» № 15). Это классическое рассуждение автор старается подкрепить ссылкой на статью Жореса и мнением немецких членов международного бюро, голосовавших против резолюции в пользу Моргари; но главным оппонентом на конференции бюро был немецкий депутат Р. Фишер, который по своим взглядам принадлежит к правому крылу немецкой социал-демократии. Неудивительно, что и в этом вопросе он был очень «благоразумен» *.

Пока оппортунисты пытаются путем своих будто бы глубоких политических соображений переубедить революционеров, правительство и реакционная часть общества готовятся к военным действиям. Но, видно, нельзя безнаказанно соприкасаться с царством лжи и разврата. Как только итальянское правительство и реакционные сферы захотели во что бы то ни стало обеспечить визит царя, они по необходимости вынуждены были прибегнуть к мерам, практикуемым русским правительством. 6 сентября было запрещено, вопреки всем законам, народное собрание для чествования памяти демократа Дж. Бавио; отложенное на 13 сентября, оно было запрещено вторично. Правительство боялось антицаристской демонстрации. И 6-го и 13-го — это были воскресные дни — Рим был прямо-таки на военном положении: всюду были спрятаны войска, по улицам ездили патрули. Того же 13 сент. был конфискован в Милане № газеты «Avanguardia» за статью о свистках царю. Предполагавшееся 9 сент. собрание служащих почтово-телеграфного ведомства, не имевшее никаких политических целей, было тоже запрещено, из опасения антицаристских демонстраций. Квестор (полицмейстер) г. Рима, не обинуясь, заявил, что вплоть до приезда царя не будут разрешены в Риме никакие публичные манифестации. Мало того, имеются сведения, что ко времени приезда царя предполагаются довольно многочисленные аресты, и сведения эти настолько серьезны, что уже образовался комитет для протеста против такого нарушения самых основ конституции. Для завершения этой идиллии á la russe газета «Capitale» сообщает, что на время приезда царя «уже многие граждане Рима думают образовать временную лигу для обеспечения порядка», т. е. нашу же «добровольную охрану» из охотнорядцев!

Как-никак, но положение итальянского правительства с либеральным министром Цанарделли во главе, не из завидных. Главное, что приезд царя приходится в самое тяжелое время. Еще не улеглось негодование против России, вызванное делом Гоца и кишиневским погромом, а тут случился целый ряд фактов, сильно дискредитирующих само итальянское правительство. Неудачный процесс 35 офицеров флота против «Avanti» и его редактора Ферри (см. «Русск. Вед.» № 236), кровавая баня в Тарре Аннунциата, где войска без всякого повода стреляли в безоружных крестьян, об'явивших вполне законный бойкот одной сельскохозяйственной фирмы, — все это вызвало бурю негодования против правительства. Последние же репрессивные меры: запрещение собраний, угрозы арестами, конфискация газет — все это сыграет не малую пропагандистскую роль в пользу задуманной манифестации. Удастся ли нашим итальянским товарищам провести намеченную ими программу торжественной встречи его величества царя Сибири и Кишинева, как теперь его называют в Италии, об этом мы сообщим в свое время, пока же заметно большое воодушевление, и не проходит дня, чтобы не поступали из всех концов Италии в редакцию «Avanti» отзывы от рабочих и крестьянских организаций, выражающих сочувствие Ферри и протест против опозорения свободной почвы Италии стопами восточного деспота.

P. S. Настоящая статья была уже закончена, когда получились дополнительные сведения, настолько характерные, что спешим ими поделиться. «Движение в пользу организации свиста по линии проезда Николая II,—пишет в письме в редакцию один итальянский товарищ,—растет и усиливается». От Вероны вплоть до Рима, во всех местностях, примыкающих к железнодорожному пути, где только имеются социалистические секции, образуются комитеты, ставящие себе задачей покупку в Риме свистков и раздачу всем желающим свистать. . . . Социалист издатель Нервини об'явил о выходе специальной брошюры «Il fischio» («Свисток»), предназначенной для раздачи . . . Кроме этой брошюры «Avanti» издает другую под заглавием: «Антицаристская брошюра» со следующим содержанием: 1) «Социалисты и царь», Энрико Ферри. 2) «Заметки о царизме и минимальная программа русских социалистов», П. Сабанова. 3) «К русским, погибшим на виселице», стихотворение Ф. Турати.

Так готовятся социалисты, не менее усердно готовится и правительство. № «Avanti» от 19 сент. вышел с пустым местом вместо передовицы. Во время празднества 20 сент. полиция воспретила Э. Ферри произнести

* Немецкие делегаты заявили на конференции, что не могут рекомендовать итальянским товарищам мер, которых они по местным условиям не могли бы применить у себя в Германии. Несколько откровеннее высказалось досужее политиканство оппортунистов в статье Биссолати в № 249 «Tempo»: «благодаря ирредентистскому движению, рассуждает автор, тройственный союз рушится; Италии по необходимости приходится искать новых политических союзников, а их она может найти только во Франции и через Францию в России. Новый тройственный союз необходимо противопоставить австро-германской коалиции. Между тем итальянские социалисты, сочувствующие ирредентизму и ненавидящие Австрию, идут против своего естественного союзника — России, — оскорбляя ее главу». «Таким путем — заключает он, — большое число бессознательных сторонников итальяно-русск. политики может очутиться среди освистывающих царя».

политическую речь в Аквиле. Но особенно старались власти применять русские приемы во время празднования 20 сент. в Риме. 20 сент. — годовщина взятия Рима итальянскими войсками. Ежегодно этот день празднуется очень торжественно официальными сферами и народом. На этот раз суждено было в этот день столкнуться Италии полицейской и Италии народной. Началось с того момента, когда появились демократические и социалистические организации со знаменами: все знамена были обвиты траурными лентами. Полиция бросилась срывать ленты; произошла драка. В то же время было арестовано несколько рабочих, раздававших специальную газетку «La luce» («Свет»). Когда, наконец, двинулась процессия обычным порядком к Porta pia (место вступления итальянских войск в Рим), полиция прибегла к хитрости. По ее настоянию официальный кортеж ускорил шаг и значительно опередил кортеж народный. Тогда между двумя частями шествия вдвинулись войска и преградили дорогу, намереваясь задержать народное шествие до окончания официальных речей и церемоний, рассчитывая таким образом предотвратить враждебные демонстрации. Когда социалисты поняли хитрость неприятеля, они отказались от участия в этой комедии и предложили толпе разойтись. По дороге было еще несколько стычек с полицией. Инцидент этот сильно озлобил римское население, сыграв на руку агитации социалистов.

Сообщают, что царь явится в Рим в сопровождении 30 конвойных казаков, так что, по замечанию «Avanti», римляне царя не увидят, а только казацкие мундиры. Кроме того, по слухам, с'езжаются в Рим тайные агенты из Лондона, Парижа, Берлина и целая свора специальных «детективов» из Петербурга. Однако все эти «страсти» мало смущают Ферри и его товарищей, твердо ведущих свою «линию».

[Орловский — В. Воровский].

ИЗ ПАРТИИ

Русско-еврейские рабочие в Лондоне. 12 сентября (н. ст.) русским соц.-демократическим кружком был устроен в небольшой зале митинг по поводу последних стачек на юге России. Присутствовало до 350 человек. Говорились речи по-русски и по-еврейски. В конце митинга была предложена собранию такая резолюция: «Это собрание рабочих восторженно приветствует всеобщие стачки на юге России, как свидетельство быстрого роста классового самосознания рабочих. Собрание выражает свою уверенность в том, что только революционная социал-демократия в состоянии повести рабочий класс России к решительной победе над самодержавием и обеспечить за рабочим классом возможность воспользоваться плодами этой победы». Эта резолюция была принята единогласно. Собрание закончилось выражением сердечного сочувствия жертвам, пострадавшим и павшим в бою, а затем криками «долой самодержавие!» и «да здравствует политическая свобода!».

Письмо в редакцию. Я был очень рад, что «Искра» ни словом ни обмолвилась по поводу заявления одного из членов «Саратовского Рем. Соц.-Дем. Союза», помещенного в № 29 «Рев. Росс.». Было бы странно, если бы она поступила иначе. Человеку пришла благая фантазия высечь себя, и «Рев. Росс.» благосклонно предоставила ему свои страницы для того, чтобы он мог произвести эту операцию публично. Для всякого читателя «Рев. Росс.» было вполне ясно и очевидно, что этот почтенный орган оказал свое гостеприимство не спроста. «Рев. Росс.», которая, как известно, всегда «ведет полемику по существу» и «никогда не доходит до таких полемических приемов, как наши противники», очень обрадовалась несчастной «унтер-офицерской вдове», явившейся со своим заявлением. Но «Рев. Росс.» сама спохватилась, сообщив, что читающая публика может усомниться в правдивости вдовы, которая сама призналась в том, что способна сообщать о том, чего, по ее словам, не было. Вот в № 30 она выступает с заявлением номер второй. По поводу именно этого заявления я и решился обратиться к редакции «Искры» со следующими фактическими указаниями: 1) подписали письмо в «Искру» от имени «Саратовского Ремесл. Соц.-Дем. Союза» все наличные члены этого союза, которые осенью 1902 г. всей своей организацией, со всеми без исключения своими связями примкнули к Саратовскому Комитету Р. С.-Д. Рабочей Партии. 2) В числе этих подписавшихся был и один ремесленник, который, несомненно, все время существования союза был его душой; все связи завязывались исключительно через него, и только он один мог придать то или иное направление ходу мыслей ремесленников. Человек же этот начал свою деятельность убежденным социал-демократом и оставался им до конца, 3) Меня прямо поразило следующее место заявления: «чтобы показать убедительность подобного рода аргументов, укажем хотя бы на то обстоятельство, что, например, все (за исключением одной) статьи в „Голосе Труда“ № 1 и большая часть статей в № 2 и все прокламации Об'единенной Группы принадлежали перу соц.-рев.».

Я положительно не могу себе представить, как согласовать это заявление с организационным договором Об'един. Группы, по которому со стороны соц.-рев. в группе мог участвовать только один представитель, а, следовательно, решающий голос принадлежал соц.-дем. членам группы. Как примирить, наконец, это заявление с тем фактом, что наряду с прокламациями, выпущенными Об'един. Группой, выходили одновременно и прокламации за подписью соц.-рев.? Очевидно, прокламации Об'един. Группы не удовлетворяли соц.-рев.; очевидно, — либо соц.-революционер, член. Об'един. Группы, писал статьи в духе его соц.-дем. товарищей, а свободное от этого время посвящал писанию прокламаций, выходивших за подписью соц.-рев., либо... все заявление четырех членов «Ремесл. Союза» является ни чем иным, как плодом «честных полемических приемов» «Рев. Росс.». Приходится предоставить решение этого вопроса остальным членам бывшего «Ремесл. Союза» и «Об'един. Группы», которая, к сожалению, в настоящую минуту не в состоянии высказать своего мнения.

Член Саратов. Комитета Р. С.-Д. Раб. Партии.

Через посредство Международного Социалистического Бюро мы получили резолюцию Совета рабочих цеховых союзов (Trades Hall Council) в Мельбурне (Австралия), выражающую сочувствие евреям, пострадавшим от палачей русского самодержавия, и горячо приветствующую борьбу за низвержение самодержавия и за эмансипацию пролетариата в России.

Пермским Ком. Р. С.-Д. Р. П. изданы за последнее время следующие листки: 1) о событиях на ст. Михайлово, 2) о южных событиях, 3) «К невоянским рабочим» 4) «Л. Н. Толстой (по поводу 75-летнего юбилея со дня рождения)». Одесским Ком. выпущены в августе листки: 1) «Ко всем! Еще одно преступление царского самодержавия» (по поводу зверств в одесской тюрьме) — 4.000 экз., 2) к рабочим и работницам г. Одессы (по поводу всеобщей забастовки)— 5.000 экз. Одесский С.-Дем. Союз «Рабочая Воля» изд. в авг. мес. листок «Ко всем рабочим и работницам г. Одессы» (по поводу июльских событий) и в сентябре: «Манифест Рабочей Воли» 2.000 экз., где заявляет о своем присоединении к Комитету. — Бердичевская группа революционных социал-демократов в августе издала листок «Ко всем рабочим и работницам» (по поводу июльских событий). — Бакинским Ком. изд. в августе листок,

посвященный памяти товарища Влад. Кицховели (Ладо), застреленного в Тифлисской тюрьме. — Такой же листок выпущен Тифлисским Ком.; им же выпущен листок «К товарищам», делающий выводы из июльских событий. — В Либаве во время пребывания царя изданы латышской группой листки на латышском и русском яз. — Саратовским Ком. издан листок «Апостол департамента полиции — агент православной церкви» и два листка по поводу военного суда над ростовскими демонстрантами: 1) «Душители» и 2) «О правительственном терроре». — Военно-революционная организация выпустила в августе листок «К увольняемым в запас». — Екатеринославским Ком. вып. листок от 28 августа «Ко всем рабочим и работницам гор. Екатеринослава» (по поводу минувшей стачки). — Донским Ком. вып. лист. «К гражданам» (по поводу военн. суда над ростовскими демонстрантами). — Гомельским Ком. в июле листок «По поводу обязательного постановления могилевск. губернатора» и в августе «Вести из России» (по поводу июльских событий). — Воронежский Ком. выпустил в августе листок № 9 (о правительственном произволе и борьбе рабочих) и в сентябре № 10 (по поводу местных арестов). — Ц. К. Южно-Русской Группы Учащихся, Средних Школ, переименованный ныне в Ц. К. Ю.-Р. Г. Учащейся Молодежи, выпустил отчет о втором с'езде этой группы (см. выше «Из нашей общественной жизни»).

ХРОНИКА РЕВОЛЮЦИОННОЙ БОРЬБЫ

Вологда. В июне были обыски у рабочего Сорокина (по предписанию из Костромы; Сорокин—петербуржец, привлекался в 1900 году по делу Спб. Союза Борьбы), у ссыльных Малинина (сослан по делу Моск. Раб. Союза и «Саратовского Рабочего»), Дрешера (конторщик из Варшавы, по делу П. П. С.) и Якова Андреева (из Екатеринослава). — Курск. В начале августа в Курске было произведено много арестов и обысков (до 40). Известны следующие фамилии: Фортунатова, Жилинская, Турчанинов, Благовещенская, Хайкин, Евдокимов, Белоконь, Соколовский. Взято несколько человек из губ. земской управы и из управления Моск.-Киев.-Вор. жел. дор. — Тверь. В № 47 «Искры» приведен список лиц, арестованных в Твери в ночь с 12 на 13 августа. Кроме названных там лиц арестованы еще следующие: Арсений Буланов, Павел Дулишкин, Иван Антипов, Василий Каширин, Василий Чуркин, Василий Жуковский, Иван Хорьков, Алексей Субботин, Павел Мальцев, Михаил Смирнов, Александр Смирнов, Михаил Виноградов, Павел Васильев, Василий Дмитриев, Арсений Дедкин, Иван Звонарь, Григорий Прокофьев, Егор Александров, Петр Пакетов, Павел Малдаву, Петр Завьялов, Андрей Воронов, Ухаровский, Тарашевский, Петр Прохоров (все эти лица рабочие), Алексей Печников, Петр Федоров, Апостолов (земский гласный), Панов, Александровский (бывш. студенты), Вислоух, Эленгорн (врачи), Кувшинская, Куняева (служащие в земстве). — Одесса. Кроме арестованных по распоряжению Арсеньева (на 1½—3 месяца) 259 чел., арестованы еще: Шкловский (интелл. поднадзорный), Машевский, Пасевич Илья (раб.), Запорощенко, Новиков (каменоломщ.), Жариков (раб.). Из 259 многие уже выпущены по распоряжению Лопухина. Арестованные по доносу мастера Федорова 10 чел. железнодорожн. рабочих выпущены после того, как рабочие железнодор. мастерских потребовали их освобождения под угрозой забастовки. На большом вокзале в железнодорожных мастерских появились два шпиона: Сухоруков и токарь Карп Жуковский. — Кишинев. Фамилия провокатора в Кишиневе Финкельман. Аресты, происшедшие в Кишиневе в июле, — его дело. В Одессе он жил в прошлом году как Лернер, а два года тому назад жил в Николаеве как Васька Садовник. — Чиатура (Кутаисской губ.).В Чиатуре арестованы: М. Церетели, Карп Мадебадзе, З. Гурули (штейгер), Мир. Чанишвили и масса рабоч. (около 150 чел.).—Керчь. Здесь арестовано около 100 чел. рабочих, в том числе две девочки 14 лет и трое интелл.: Уманская, И. С. Коган-Мошин и Шишкин. — В Киеве на вокзале арестован какой-то офицер. — В Пскове во время маневров Военно-революционная организация распространила 2.080 печатных листков; арестованы два офицера. — В Смоленске арестован солдат, обвиняется в распространении среди солдат нелег. лит.

На австрийской границе выданы контрабандистом за 500 руб. три лица: Антропов, Шиллер и Ставский (первые отвезены в С.-Петербург, последний — в Новочеркасск).

В Москве в апреле 1902 г. была арестована группа рабочих и несколько интеллигентов. Все они обвинялись в участии в Московском Комитете Р. С.-Д. Р. П. В числе рабочих был некий Гузеев, служивший десятником (дорожным) при уездной земской управе. Он оказался предателем, а впоследствии и совсем стал провокатором. В июне 1903 г. он уехал в Тверь. Приметы его: блондин, выше среднего роста, небольшие усы, без бороды.

Приговоры: по одесским делам 1901 г. Яков Иоффе (интелл.), 8 лет Восточной Сибири; Софья Мойсеевна Гольдман (акуш.), 6 л. Вост. Сиб.; Костя Колтун (переплетчик), 5 л. Вост. Сиб.; Лев Подгуг (провизор), Ефим Гелельштейн (переплетчик), Наум Ходоров, Осип Каплан, Исер Колтун, Абрам Лис (тоже переплетчики), Яков Городецкий (столяр), Соломон Шерман (портной), Михаил Окунский — все по 4 года Восточной Сибири; Лев Рудовский (чайный упаковщик), Анна Краснянская (фельдш.) — по 5 лет Вост. Сиб.; Самуил Печерский, Исак Канторович (дантист), Моисей Штам — по 4 г. Вост. Сиб.; Женя Канторович, Исак Миркин (обойщик), Моисей Вериер (столяр), Давид Кутерман (чайный упаковщик), Соломон Роткоп, Шмерель Климовицкий, Веньямин Трахтенберг (Хаим-Ице), Соломон Соломонов (ювел.), Фаер (чайн. упаковщ.), Лиза Глазман — все по 3 г. Вост. Сиб. Отправляющиеся в Сибирь одесситы устроили в Москве, в Бутырках, товарищеский суд над Шулимом Майером, Миркиным, Канторовичем и Тимофеем Чайниковым. Вынесена резолюция: 1) Майер об'явлен опасным предателем. 2) Миркин об'явлен предателем. 3) С Канторовичем признано необходимым прервать всякие деловые и личные сношения, не об'являя его однако предателем, и решено огласить его позорное поведение. 4) Трахтенбергу высказано резкое осуждение и 5) Чайников об'явлен предателем. Резолюция подписана 24 лицами. — По Костромскому соц.-дем. делу получили приговоры: статист. Александр Завершин 4 года Восточной Сибири (его еще ждет приговор по делу Спб. Союза Борьбы, сидел 7 мес. в Таганке, освоб. был под надзор до приговора); статист. Алексей Загайнов (был пойман при разбрасывании прокламаций, сидел 1½ мес., до приговора освобожд., показаний никаких не давал); статист. Тихон Попов, 4 года Вятской губ.; Семен Колокольцев, 3 г. Вологодской губ.; статист. Невзоров, 3 года Вологодской г. (в ожидании приговора умер от чахотки); Николай Грацианский, был выслан весною 1902 г. на 3 года в Архангельскую губ., ему прибавили еще 2 года, несмотря на то, что на допросе выдавал и держал себя очень скверно; Каратаеву, Родионову и Ячменникову 3 мес. тюрьмы; Сабанееву и учителю Смирнову 2 недели ареста; Екатерине Удаловой и Кондратьеву 8 дней ареста. По делу Александровой, Лопаниковой, Поливанова, Мушенка, Гинзбург, Удалова (закончившемуся) приговор еще не об'явлен. По делу весенней демонстрации в Костроме сидят Константин Малышев, Буланин, Корсаков, Данило, Николай Поваров, Иван Батуговский. Получил также приговор А. Д. Цюрупа — 3 г. Олонецкой губ. (приговор совершенно неожиданный, так как не было решительно никаких улик). — Прошли в Сибирь: Захарова (на 5 лет, арест. в Одессе по делу «Искры» в начале декабря 1901 г.); Лидия Канцель (на 8 л.); Курнатовский (на 4 года, арест. в Тифлисе весной 1901 г.). Вместе с Курнатовским прошло еще 11 человек. — В Киеве Шиманский и Сильвин переведены за протесты из Лукьяновской тюрьмы в крепость.

Бежали и прибыли за границу: 1) из Енисейской губ. Лев Хинчук, был выслан до приговора по Моск. делу, 2) из Вологды: Ю. Г. Топоркова (по делу Спб. Красного Креста, апрель 1901 г.); Б. Савинков (студент, по петербургскому делу «Раб. Знамени» и Гр. «Социалист», апрель 1901 г.); из Устюга Бубатов (рабочий, по нижегородскому делу 1901 г. и по делу пермской группы соц.-революционеров 1902 г.); из Никольской Медведев (рабочий); из Вост. Сибири: Ф. И. Гурвич, О. А. Коган, А. М. Зельдов.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

Поправка. В одном из номеров «Искры» было указано, что Дубровский, привлекавшийся по делу «Северного Союза», — предатель. Это неверно. Он лишь дал одно неудачное показание, повредившее одному из привлеченных по этому делу. Сообщаем это по просьбе этого последнего.

В предыдущем № «Искры» в части экземпляров (3.000 из 10.000), по недосмотру, вставлена напечатанная уже в № 42 корреспонденция о майских днях в Вышнем-Волочке. В отделе «Из партии» Гомельский Ком. ошибочно назван Комитетом Бунда.

Отложено по недостатку места до след. номера: письмо о последнем конгрессе английских трэдюнионов, «Из русской жизни», манифест «Раб. Воли», об армянских демонстрациях, письмо одесской работницы и друг.

Мирэ. Письмо получено. Присылайте скорее адрес для ответа. — Терентию. Письмо получено, но не разобрано. — Ромуальду. Повторите, пожалуйста, адрес для писем. — Муравью. Справки наведем. Корреспонденции просим присылать. — Рабочему Юга. Благодарим. Просим писать. — Мюллеру. Письмо в двух экз. получено. 34 Ж. Письмо получено, использовано.

Получено: из Москвы, через Соколова, за литер. — 100 руб.; от Николаича — 75 руб.; в «Новый год» — 106 руб.; от №№ за литературу — 75 руб.; с берегов Женевского озера первый майский взнос — 41 фр.; из Винтертура (чрез К.) за литературу — 5 франков; от доктора из Давоса для О. К. — 20 фр.; по листу № 102 (из Цюриха) — 27 фр.; из «ь» (мягкий знак) — 190 фр.; из Л. — 340, 82 фр.; от № 39 для организационных целей — 87 фр.: из Герзау — 50 фр.; от француза для стачечников — 1, 50 фр.; от Цюрихской сиб. кассы для А-а — 82 фр.; для стачечников на юге собрано в Сизиконе — 34 фр.; в Вегиссе — 14 фр.; от прозревшего — 10 р.; из Шпица по подписным листам №№ 109 — 110 — 29,15 фр.

Деньги и письма для «Искры», «Зари» и «Лиги русской революционной соц.-дем.», а также требования на литературу просим направлять по след. адресу:

Mr. Paul AXELROD, ACACIAS, GENÈVE (Suisse).

Типография «Искры».

ПРИМЕЧАНИЯ.

Прим. 1. Военный суд над участниками Ростовской демонстрации 2 марта, заседавший с 19 по 23 августа 1903 г., из 23 привлекавшихся, троих (А. Я. Браиловского 19 л., А. А. Куксина 17 л. и Д. С. Колоскова 22 л.) приговорил к смертной казни. Смертная казнь через 4 дня была заменена: Браиловскому — 15 годами каторги, Колоскову и Куксину — десятью годами каждому.

Прим. 2. О «Революционной России» — см. прим. 4-е к № 23 «Искры».

Прим. 3. «Боевая организация партии социалистов-революционеров» — так называла себя, после убийства министра внутренних дел Сипягина (2 апреля 1902 г.), возникшая осенью 1901 г. в Петербурге боевая группа эсеров, инициатором и создателем которой был один из руководителей партии эсеров Гершуни. Группа ставила задачей организацию и выполнение террористических актов над деятелями царского правительства. К этой организации принадлежал и столяр Фома Качур, стрелявший 29 июля 1902 г. в харьковского губернатора Оболенского. Качур промахнулся, был арестован и приговорен к смертной казни, которая была заменена вечной каторгой.

Прим. 4. Малуэ Пьер (1740—1814) — французский политический деятель и участник великой французской революции. По своим взглядам умеренный монархист, противник «декларации прав человека и гражданина», как источника анархии. В своих мемуарах, опубликованных в 1868 году, Малуэ началом террора считает дату взятия Бастилии (14 июля 1789 года).

Прим. 5. О войне с Китаем — см. прим. 1-е к № 1 «Искры».

Прим. 6. Болгарское «Народное Собрание» — 7 июля 1887 г. (благодаря стараниям Стамбулова — см. прим. 8-е к № 45 «Искры») выбрало принца Фердинанда Кобургского болгарским князем. Ставленник Австрии, Фердинанд в своей политике являлся проводником интересов австро-германского империализма на Балканах. 5 октября 1908 года Фердинанд провозглашает Болгарию независимой, а себя «царем болгар». В 1913 году он и окружавшая его военная клика отдали, через голову совета министров, приказ о нападении на сербские и греческие войска, чем вызвали начало второй балканской войны, закончившейся поражением Болгарии. Во время империалистической войны Ф. содействовал участию Болгарии в ней на стороне австро-германской коалиции. После поражения последней отрекся от престола (1918).

Прим. 7. Данев, Стоян (р. в 1858) — один из лидеров либерально-прогрессивной партии и представитель крайних руссофильских кругов Болгарии. Министр иностранных дел в кабинете Каравелова (с марта 1901 г.). В январе 1902 г., заняв пост премьера, выступил против усиливавшегося македонского движения, которое могло обострить отношения с Россией. После восстания в Македонии (в 1902 г.) Д. принял серьезные меры к разгону македонских революционных организаций, но в результате второго восстания (летом 1903 г.), под нажимом «общественного мнения», требовавшего еще более энергичной политики в Македонии, вынужден был уйти в отставку и уступить свое место стамбуловистам — сторонникам Стамбулова.

Прим. 8. Сан-Стефанская Болгария — см. прим. 7-е к № 45 «Искры».

Прим. 9. Гр. Игнатьев — см. прим. 2-е к № 41 «Искры».

Прим. 10. О крестьянских волнениях в Харьковской и Полтавской губерниях и о последовавшей затем расправе с крестьянами — см. корреспонденции в №№ 20 и 21 «Искры».

Прим. 11. О ноябрьских событиях в Ростове н/Д., Тихорецкой, Новороссийске — см. «Искру» № 31, корреспонденцию из Ростова и воззвание Донского К-та Р. С.-Д. Р. П. «гражданам всей России», № 32 «Искры» — ст. Г. В. Плеханова: «Значение ростовской стачки», № 33 его же статью: «Еще о Ростовской стачке».

Прим. 12. Бардина Софья Иллар. (1853 — 1883) — народница. В феврале 1877 года (арестована была в 1875 году) привлекалась по делу о пропаганде среди крестьян и рабочих, о распространении нелегальной литературы и т. д. («Процесс 50-ти»). Б. была приговорена к 10 годам каторги. По смягчении приговора сослана в Ишим, откуда в декабре 1880 года бежала. Некоторое время скрывалась нелегально в России, затем уехала за границу, в Женеву, где, вследствие тяжелой болезни, покон-

чила с собой. Приведенные в «Искре» слова представляют конец ее программного выступления на суде (10 марта 1877 г.), получившего позже широкую известность и распространение.

Прим. 13. 2 апреля 1902 года студент Киевского у-та С. В. Балмашев убил министра внутренних дел Сипягина. Совершенный Балмашевым террористический акт послужил поводом для полемики между «Боевой организацией П. С.-Р.» (в лице «Револ. Росс.») и «Искрой». В № 20 последней появилась статья Г. Плеханова «Смерть Сипягина и наши агитационные задачи», в которой была дана соответствующая оценка индивидуального политического террора и в частности события 2 апреля. Статья вызвала возражения «Боевой организации», в ответ на которые Плеханов поместил в № 23 «Искры» статью: «Вынужденная полемика», где, между прочим, было высказано сомнение относительно принадлежности С. В. Балмашева к партии с.-р. и к «Боевой организации». Подробнее об этом см. «Искру» № 34: «Письмо в „Искру" Киевского К-та Р. С.-Д. Р. П.» и «Некоторые факты о Степане Валерьяновиче Балмашеве», сообщенные членами бывшего Саратовского соц.-дем. ремесленного союза.

Прим. 14. О. К. — Организационный Комитет по созыву II с'езда, см. о нем № 32 «Искры»: «Извещение об образовании „Организационного Комитета"», а также прим. 1-е. К тому же номеру.

Прим. 15. В № 27 «Револ. России» было напечатано «Заявление по делу 2 апреля», подписанное так: «Члены Боевой организации П. С. Р. товарищи С. В. Балмашева по делу 2 апр.». Заявление направлено против статей и сообщений по этому делу «Искры», далее в нем приводится ряд доказательств относительно принадлежности С. В. Балмашева к партии с.-р. и к «Боевой организации».

Прим. 16. Статью «Тартюфы революционной морали» — см. в № 40 «Искры».

Прим. 17. «Народная Воля» — см. прим. 6-е к № 26 «Искры» о „Земле и Воле".

Прим. 18. «Московские Ведомости» — см. прим. 5-е к № 6 «Искры».

Прим. 19. Южно-Русская Группа Учащихся Средних Школ — см. прим. 11-е к № 36 «Искры».

Прим. 20. «Южный Рабочий» — см. прим. 11-е к № 26 «Искры».

Прим. 21. «Заря» — см. прим. 4-е к № 2 «Искры».

Прим. 22. «Освобождение» — см. прим. 12-е к № 38 «Искры».

Прим. 23. «Fria Ord» — см. прим. 12-е к № 39 «Искры».

Прим. 24. Второй конгресс Финляндской рабочей партии — см. «Искру» № 49.

Прим. 25. В порядке дня Парижского конгресса II Интернационала (1900 г.) стоял вопрос о «завоевании общественной власти и о союзах с буржуазными партиями». Внимание конгресса, в связи с этим вопросом, было заострено на известном инциденте с Мильераном, первым социалистом, вступившим в буржуазное министерство (в 1899 г.). В результате горячих прений, выявивших две противоположные точки зрения, — Геда, требовавшего осудить вхождение социалистов в буржуазное правительство, и Жореса, оправдывавшего это вхождение, — конгресс принял весьма неопределенную и дипломатическую резолюцию, предложенную К. Каутским. Указав, что вхождение того или иного социалиста в буржуазное министерство является вопросом не принципа, а тактики, конгресс признал, что «такие случаи не подлежат обсуждению международного конгресса». Не дав таким образом четкого ответа на конкретный случай с Мильераном, конгресс уклонился и от общей оценки всего вопроса. Резолюция Каутского в истории II Интернационала широко известна под именем «каучуковой». О ней и идет речь в настоящей статье.

Прим. 26. «Римский социалистический союз» — местная организация итальянской социалистической партии.

Прим. 27. «Avanti» — «Вперед» — главный орган Итальянской Социалистической Партии. После раскола социалистической партии стал органом максималистов. Одним из первых редакторов был Серрати. Перед войной А. редактировался Муссолини (нынешним главой фашизма). Во время войны А. занимал интернационалистскую позицию и пользовался большим успехом и распространением среди рабочих. В настоящее время А. руководится Ненни и Веллой, решительными противниками вхождения в Коминтерн. Издается в Милане.

Прим. 28. Международное Социалистическое Бюро — учреждено на Парижском конгрессе в 1900 г. (23—27 сентября). В Бюро входили 1 или 2 представителя от каждой страны или нации. От России в Бюро входил сначала Плеханов, а затем, после раскола партии, и Ленин. Нося характер технико-осведомительного аппарата, Бюро имело свой президиум с постоянным местопребыванием в Брюсселе.

РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТИЯ
ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

Обвинительный акт

по

Златоустовскому делу

Приложение к № 48 «Искры»

Типография «Искры», Женева, 27, rue Coulouvrenière
1903.

Утвержден 3 июня 1903 г. Член Суд. Пал. В. Бармалеев.

ОБВИНИТЕЛЬНЫЙ АКТ

об Алекс. Мих. Пелявине и друг. в количестве 34 человек.

С 1 января 1903 г. в златоустовском казенном горном заводе было приступлено к постепенному введению высочайше утвержденного 11 марта 1902 г. мнения государственного совета о порядке поступления бывших заводских людей в работы на казенных горных заводах и горнозаводских товариществах. С этого же времени предположено было заключать новые условия найма с рабочими, на точном основании названного закона, а также снабдить всех рабочих, согласно 21 ст. закона 11 марта 1902 г., 652 ст. Устава горн. и 134, 135 и 137 ст. Уст. пром., изд. 1893 г., расчетными книжками нового образца, утвержденного 16 декабря 1902 г. главным начальником уральских заводов.

Несмотря на предварительное ознакомление рабочих с новым законом и неоднократные его раз'яснения, вводимый закон был встречен рабочими златоустовского казенного завода с неудовольствием, хотя закон этот не нарушал ни в чем прав рабочих и вносил лишь очень несущественные изменения договора найма. Однако рабочие не хотели подчиниться требованию закона о приеме новых расчетных книжек, и среди них появились толки, что правительство стремится будто бы ограничить различные льготы и права, дарованные заводскому населению предшествующими узаконениями, и что с введением новых расчетных книжек отменяется будто бы дарованное государем императором Александром II 8 марта 1861 г. освобождение горнозаводского населения от крепостной зависимости. Несмотря на очевидную неосновательность этих толков, брожение и недовольство рабочих все возрастало, и попытки заводской администрации к раз'яснению истинного смысла и цели нового закона успеха не имели. Желая по возможности кончить дело мирным путем, заводоуправление не настаивало на немедленном принятии новых расчетных книжек, назначив окончательный срок принятия этих книжек 1 января 1903 г., кроме того согласилось даже дополнить включенное в книжку условие найма указанием, что рабочие, заключившие условие с заводоуправлением, сохраняют все права, предоставленные им Положением 8 марта 1861 г. с последовавшими изменениями.

Однако, к началу марта 1903 г. только около 300 рабочих приняли новые расчетные книжки, а остальные продолжали настойчиво упорствовать, и волнения среди них все более и более возрастали; особенно это было заметно между рабочими прокатного цеха.

6 марта 1903 г. 160 рабочих больше-прокатного цеха об'явили, что они новых расчетных книжек не примут и что 10 марта они на работу не выйдут, если заводоуправление не согласится заключить с ними условие по старому порядку.

Вследствие этого управитель златоустовского завода особыми об'явлениями предупредил условных рабочих о законной ответственности, которой они подвергнутся в случае забастовки, а не условных — о том, что они будут считаться уволившимися добровольно.

10 марта утром часть рабочих больше-прокатного цеха не была пропущена на завод в виду их заявления о нежелании продолжать работу.

Дождавшись двухчасовой смены, рабочие прокатных цехов, образовав толпу до 500 чел., заявили вызванному полицмейстеру Уманцеву, что по новым условиям никто не согласен работать, при чем выразили желание переговорить с горным начальником. Последний вышел к рабочим, но все его увещания остались безуспешными. По окончании этих об'яснений, толпа рабочих разных цехов, человек до 400, собралась на площади перед управлением горного округа и заявила управителю завода от лица всех цехов, что, в случае неудовлетворения требования рабочих о восстановлении прежде существовавшего порядка найма, все цехи с 11 марта прекратят работы на заводе и что на следующий день такое требование будет пред'явлено непосредственно всеми рабочими.

11 марта все рабочие больше-прокатного цеха были пропущены на завод, но большая часть их не занималась делом, а бродила по заводу, подбивая рабочих других цехов не подчиняться требованиям заводоуправления. Одни подчинялись этому подговору добровольно, другие — под угрозами.

В два часа дня внутри завода собралась толпа рабочих до 200 чел. и потребовала личной к ним явки горного начальника Зеленцова. При об'яснениях с последним рабочие настаивали на полной и немедленной отмене новых расчетных книжек и не слушали никаких увещаний. На посланную тогда же горным начальником директору горного департамента для доклада министру земледелия телеграмму получился ответ, что министр требует подробных сведений о желаниях рабочих, а пока просит передать им приказание немедленно возобновить работы по-старому. Но и этого распоряжения министра рабочие не исполнили; напротив того, значительное число их 11 марта удалилось с завода слишком демонстративно — со свистом и криками, заявив, что на следующий день не выйдут на работы сами и не пустят силою желающих работать.

Получив вечером того же 11 марта телеграмму исправника о последних событиях в г. Златоусте, уфимский губернатор Н. М. Богданович, согласно ходатайству местного исправника, срочной телеграммой просил командира квартирующего в гор. Златоусте 214-го Мокшанского батальона о наряде к четырем часам утра 12 марта двух рот батальона на завод для охранения казенного имущества и рабочих, желающих продолжать работу, от насилий забастовавших. Через три часа после того с первым отходящим поездом губернатор сам выехал в Златоуст вместе с прокурором уфимского окружного суда и начальником губернского жандармского управления. Прибытие этих начальствующих лиц в Златоуст замедлилось на шесть часов вследствие схода с рельсов встречного поезда, и они прибыли в Златоуст лишь около 7 час. 12 мин. вечера. Между

тем в Златоусте в течение дня 12 марта 1903 г. произошло следующее.

В виду распоряжения уфимского губернатора военная команда от 214-го Мокшанского резервного батальона в количестве 120 чел. прибыла в Златоуст в три часа утра 12 марта. Тотчас по прибытии ее был поставлен караул при большой проходной в заводе и посланы патрули. В пять часов утра на Арсенальной площади и в самый завод стали стекаться рабочие, но к работе не приступили, а стояли или ходили группами.

Через некоторое время на Арсенальской площади постепенно собралась большая толпа рабочих, которая, увидев вышедшего из завода к ним местного исправника Ключникова, стала упрекать его за произведенный, в порядке охраны, ад'ютантом жандармского уфимского управления ротмистром Долговым в ночь с 11 на 12 марта арест рабочих Филимошкина и Симонова, настойчиво требуя сказать, кто и за что арестовал этих рабочих. Дав требуемые толпой сведения и заметив, что волнение среди рабочих возрастает, исправник направился к арсеналу, где помещалась военная команда. Толпа, догадываясь, что исправник хочет от нее уйти, отправилась вслед за ним, причем некоторые из рабочих забегали вперед с криками: «Не пускай его!». С большим трудом исправнику удалось добраться до дверей арсенала, около которых находилось несколько офицеров. В то время к арсеналу приблизилась уже более озлобленная толпа рабочих и стала в грубой форме требовать от исправника освобождения Филимошкина и Симонова. На эти требования исправник заявил, что он не может освободить Симонова и Филимошкина, так как лица эти арестованы не по его распоряжению, и что арест этот может отменить губернатор, прокурор или начальник жандармского управления, которые вскоре прибудут в Златоуст. Присутствовавшие при этом офицеры пробовали раз'яснить незаконность действий толпы и советовать разойтись, но на эти увещания толпа отвечала бранью. Продолжая шуметь, рабочие стали отходить от арсенала, причем некоторые кричали, что нужно итти к горному начальнику, а другие — к ротмистру. Последние крики взяли перевес, и толпа рабочих до 2.000 чел. направилась к квартире ротмистра Долгова, для охраны которого был послан взвод солдат. Это было приблизительно около 10 часов утра. Подойдя к квартире ротмистра Долгова, толпа вытребовала его к себе и пред'явила ему требование освободить арестованных им накануне Филимошкина и Симонова. В виду отказа ротмистра подчиниться требованиям толпы, возбужденная масса рабочих стала надвигаться к крыльцу, где стоял ротмистр Долгов, и из ее среды начали раздаваться угрожающие возгласы: «Берите его, айда!» и т. п. Когда жандармский вахмистр Алексей Титов старался сдержать напор толпы, один из рабочих, особенно дерзко говоривший с вахмистром, начал бранить Титова, говоря ему: «Тебя давно надо с камнем в воду спустить, шкура ты, кровопийца; много, чать, солдатской крови выпил». Угрожающее настроение толпы достигло высшего предела, когда в толпе появились две плачущие женщины, одна из каковых оказалась жена арестованного Филимошкина, которая с плачем и криком: «выручите, родимые; отпустите мужа; коли взяли его, берите и детей», бросила последних к ногам ротмистра.

Толпа с неистовым криком «освободите» и с угрозами «бери его» придвинулась к ротмистру, но в это время для защиты его подошли три взвода солдат. Это несколько облагоразумило толпу, и некоторые из рабочих стали уговаривать толпу итти на Арсенальную площадь и выбрать депутатов для переговоров с губернатором. Толпа послушалась и, отойдя от квартиры ротмистра, собралась на Арсенальной площади, где и простояла сравнительно спокойно до 4 часов пополудни. Затем в 4 часа пополудни толпа до 2.000 чел. отправилась к квартире местного исправника и осадила ее. Вызвав исправника Ключникова, толпа потребовала от него освобождения арестованных Филимошкина и Симонова. Получив отказ, толпа начала бранить исправника, упрекая его во лжи и обмане относительно приезда губернатора и говоря, что он только затягивает время с целью отправить ночью арестованных в Уфу. На замечание исправника, что приезд губернатора замедлился вследствие опоздания поезда, толпа выразила недоверие. Посыпались оскорбительные выражения по адресу исправника и других чинов полиции, при чем исправник ясно слышал, как один из рабочих закричал: «вишь, красный, как комар крови напился, вишь брови-то навесил». Эти оскорбления сильно возбудили толпу, которая с криком: «давай его сюда, мы разорвем его», стала напирать на окружавших исправника чинов полиции с целью смять их и увлечь в толпу исправника. Некоторые из рабочих даже хватали исправника за руки и за фалды пальто и старались стащить его с крыльца; при этом раздавались крики: «бей его, дави!». Подоспевшей в это время военной команде с большим трудом удалось прикладами защитить исправника и оттеснить от крыльца его толпу, стать с ружьями наперевес вокруг крыльца, где стоял исправник и другие чины полиции, а также прибывший воинский начальник фон-Дрессинг. С прибытием войск толпа не перестала бесчинствовать. Некоторые из толпы, стоявшие в задних рядах, стали бросать в исправника и других чинов полиции комками снега, палками и большими камнями, один из которых попал в исправника ниже колена, не причинив, впрочем, ушиба. Вслед за бомбардировкой снегом и камнями из задних рядов толпы слышались свистки и крики: «бей его, бери его», и толпа всей своей массой напирала на окружающих крыльцо солдат. Когда офицеры предупредили толпу, что солдаты начнут стрелять, толпа, угрожая кулаками, отвечала им: «Если вы будете стрелять, то и у нас найдется чем стрелять». Кроме того, по адресу солдат раздавалась брань: «Продажные шкуры, пришли пугать; попробуйте только выстрелить — всех передушим». В один из натисков толпа приблизилась к солдатам вплотную и, схватив за штыки их ружей, старалась отнять их, при чем в возникшей схватке у одного из солдат, Андриана Понина, погнут штык и несколько ружей у других солдат попорчено. Во время этой борьбы, когда один из солдат, смятый толпою, упал, кто-то из толпы схватился за его ружье и направил штык его прямо в грудь исправника, но последний успел отстранить от себя этот штык. Деятельное участие в описанных беспорядках принимали и женщины, хватаясь за штыки у ружей солдат и уговаривая последних не стрелять в толпу, «а лучше перебить начальство». Одна из женщин схватила за грудь и ударила подпоручика Работкина, который, отталкивая ее от себя, поскользнулся и упал. В один из натисков толпы подпоручик Лабецкий видел поднятый кем-то кверху нож или кинжал.

Толпа не могла смять солдат и схватить их лишь потому, что стоявшие впереди женщины и подростки под напором толпы падали и образовывали таким образом естественную преграду, через которую толпа не могла добраться к крыльцу, где стояли начальствующие лица. Заметив это, толпа, намереваясь сделать решительный приступ, очистила у крыльца место, прогнав в сторону бывших здесь женщин и детей. Видя эти приготовления, исправник начал предупреждать толпу, что он вынужден будет сделать распоряжение стрелять. В ответ на это в толпе поднялся страшный крик об освобождении арестованных, и затем вся масса с угрозами двинулась на самое крыльцо и смяла солдат. В это время исправник дал два условных сигнала к стрельбе. Но стрелять войскам не пришлось, так как исправнику удалось тихонько скрыться во двор и уехать затем на вокзал для встречи губернатора. Это было уже в 7 часов вечера. Узнав, что исправник скрылся, толпа криками выразила намерение итти к тюрьме и насильно освободить арестованных, но затем переменила свое намерение и, повидимому, поверив заявлениям чинов полиции об ожидавшемся приезде губернатора, отправилась на Арсенальную площадь и стала ожидать этого приезда. Дорогою шедшая на площадь толпа увлекла с собою полицейского надзирателя Павла Коноплева, причем его сдавили со всех сторон и кто-то ткнул его ногой в живот. Послышались угрожающие крики: «бить его», но за Коноплева заступились более благоразумные из толпы и не позволили его бить. Доведя Коноплева до площади, толпа отпустила его. После этого толпа остановилась на площади против дома горного начальника и стала ожидать приезда губернатора. Последний приехал в Златоуст вместе с прокурором суда и начальником жандармского управления в 8 часов вечера.

Когда эти лица под'езжали к дому горного начальника, где они должны были остановиться, то были встречены толпою криком и свистом. Уже при следовании туда губернатор мог убедиться в серьезности происходящих беспорядков не только из докладов встретивших его исправника и ротмистра Долгова, но и из того, что на Арсенальной площади он лично увидел галдевшую и волновавшуюся толпу более 1.000 человек, ту самую, которая перед тем осаждала квартиру ротмистра Долгова и исправника. Буйство толпы дошло до того, что она не допустила в здание заводской электрической станции мастеров, и как завод, так и дом горного начальника были лишены обычного электрического освещения. По прибытии начальника губернии в горный дом та же толпа, подойдя к крыльцу дома, стала звонить и стучать в дверь, требуя, чтобы вышел губернатор и принял прошение об освобождении арестованных Ф. и С. Начальник губернии, выйдя к толпе, принял прошение рабочих и предложил толпе разойтись по домам, на следующий день утром итти на работу в цеха, а к нему прислать 3—4 депутатов для переговоров и для об'явления им резолюции. Толпа однако не расходилась, а после ухода губернатора продолжала звонить у под'езда и ломиться в дверь, настаивая на немедленном освобождении арестованных. В виду крайнего возбуждения толпы начальник губернии потребовал по телефону из г. Уфы еще две роты Златоустовского батальона. Тогда же была вытребована на завод третья рота Мокшанского батальона в дополнение к бывшим уже там двум, и один взвод был введен для охраны в дом горного начальника. Лишь когда показались на площади солдаты, толпа, уступая увещаниям говорившего с ней тогда помощника горного начальника Жигаловского, разошлась, причем раздались крики: «Ребята, завтра к 9 часам опять сюда». Это было уже около полуночи.

На следующий день, 13 марта, рабочие с раннего утра стали собираться на Арсенальную площадь, и часов около 9 толпа до 2.000 человек снова осадила дом горного начальника. Слышны были в толпе ругань, насмешки, угрозы и настойчивое требование освобождения арестованных. Начальник губернии и другие начальствующие лица неоднократно выходили к толпе и подолгу уговаривали рабочих разойтись, начать работу и ждать разрешения их ходатайства в законном порядке, но все эти требования властей остались неисполненными; при этом в толпе раздавалась брань по адресу начальствующих лиц: «Бить их надо, мошенников, бей их, лупи как собак». Рабочие кричали, что они разойдутся тогда, когда отпустят Ф. и С. С целью успокоения толпы было решено, что прокурор Уфимского окружного суда и начальник жандармского управления поедут в тюрьму для допроса арестованных рабочих. Когда же прокурор суда и жандармский начальник вышли на крыльцо, чтобы ехать в тюрьму, толпа, позволив сначала кучеру подать для них лошадь, стала требовать, чтобы прокурор шел вместе с толпой пешком, затем раздались крики, что ехать не надо, а лучше пусть приведут арестантов к дому горного начальника, наконец, снова согласились, чтобы прокурор и жандармский полковник ехали в тюрьму. Когда же сели в сани, а с ними на козлы жандармский унтер-офицер Титов, в толпе раздались крики: «Не пустим, поезжай двое, а то лучше с нами пешком». Вместе с тем некоторые из толпы загородили дорогу и бросились к лошади, схватив ее под уздцы, а сами старались удержать за оглобли. В виду оказанного насилия прокурор суда и жандармский начальник управления должны были вернуться в дом. По уходе их толпа подняла неистовый рев и шум и стала ломиться в дом горного начальника, разрывая при этом розданные полицией листки, в которых губернатор приглашал толпу немедленно расходиться. Впереди появились женщины с плачущими детьми, которые своим криком еще сильнее возбуждали бесчинствующую толпу. Начали раздаваться крики, что нужно итти в тюрьму, разбить ее и насильно освободить арестованных; у некоторых из толпы появились в руках камни. Положение становилось критическим. Губернатор принужден был вновь выйти к толпе и увещевать ее разойтись. При появлении начальника губернии толпа закричала: «Тяни его, тащи, в толпу, давай задушим». Убеждения губернатора не оказывали действия; он был со всех сторон окружен рассвирепевшими рабочими, и только благодаря немедленному содействию чинов полиции ему удалось отойти к дверям дома, при чем некоторым из городовых оторвали у шашек темляки, нанесли побои и хватали их с целью увлечь в толпу. У дверей дома губернатор в последний раз увещевал толпу разойтись и итти по домам или на работу, предваряя, что в противном случае он вынужден будет предложить батальонному командиру действовать оружием. В ответ на это из толпы послышались крики: «Бей его, бери его». В виду грозящей опасности, губернатор приказал бывшему при нем подпоручику Великопольскому дать сигнал стоявшему с войсками около колокольни собора командиру батальона о приступе к оружию, что Великопольским было исполнено немедленно. Увидев это, толпа закричала: «ломись, ребята, не сдавайся» и стала напирать на двери, которые с трудом удалось захлопнуть после ухода губернатора. Тогда толпа с криком: «все равно умирать» стала ломиться в двери, разбив при этом стекла и разломав защищавшую их металлическую решетку. Из толпы послышались выстрелы, слегка контузившие помощника исправника Любовицкого и жандармск. унтер-офицера Щергина, причем одна из пуль засела в стене прихожей дома горного начальника. В этот момент войска, стоявшие на площади, дали первый залп, после которого толпа не разбежалась, а продолжала ломиться в двери, несмотря на то, что из прихожей дома горного начальника стал стрелять бывший там взвод солдат. Тогда был дан второй залп, после которого почти вся толпа прилегла к земле, но затем снова поднялась и, угрожая солдатам кулаками, разбилась на четыре кучки. Был дан третий залп. После этих залпов толпа, при виде раненых и убитых, разбежалась, разбив при этом стекла нижнего этажа дома горного начальника и бросая камнями в встречавшихся по дороге полицейских городовых.. Этим закончились беспорядки в городе Златоусте.

При судебно-медицинском освидетельствовании получивших контузии от выстрелов из толпы при беспорядках 13 марта около дома горного начальника жандармского унтер-офицера Щергина и помощника исправника Любовицкого было обнаружено, что у Щергина в области перехода верхней челюсти в правую скуловую кость и на конце верхнего века правого глаза имеются две ссадины кожи, у Любовицкого имеется также поверхностная ссадина кожи на тыльной поверхности безымянного пальца правой руки. По мнению врача, повреждения, найденные у Любовицкого и Щергина, относятся к разряду легких и могли быть причинены пулею и дробью.

При производстве предварительного следствия путем допроса свидетелей, зачинщиков и участников в описанных беспорядках 12 и 13 марта удалось уличить следующих лиц:

1. Полиц. надзиратель и городовые Макурин, Рылов, Фахритдинов, Гончаров, Шикунов, Молин, Мухматин удостоверили, что рабочий завода Петр Михайлов Козырев еще до беспорядков 8 марта убеждал рабочих не подчиняться начальству, причем говорил свидетелю Макурину, что государь Александр II даровал рабочим права, а начальство хочет их отобрать и вернуть рабочих в прежнее крепостное состояние, но они, рабочие, не поддадутся и постоят за себя. Эти же самые слова Козырев говорил и 12 марта при беспорядках у квартиры исправника, где он, находясь впереди толпы, настаивал на освобождении ар стованных, возбуждал толпу не подчиняться требованиям властей и не расходиться, а делать натиск (? Ред.) на крыльцо и увлечь в толпу стоявших там начальствующих лиц; при этом Козырев кричал: «Хватай его (исправника), сдерните его, чего смотрите». После этих слов толпа стала делать натиск на крыльцо. 13 марта, во время беспорядков около дома горного начальника, когда была подана лошадь для прокурора суда и жандармского полковника, желавших ехать в тюрьму для допроса арестованных, Козырев начал кричать, что пускать их не надо, а затем встал перед лошадью и загородил ей дорогу. Примеру Козырева последовали и другие, вследствие чего прокурор суда и жанд. полковник принуждены были отказаться от своего намерения ехать в тюрьму. Наконец, 18 марта, после предупреждения губернатора, что, если толпа не разойдется, он вынужден будет прибегнуть к содействию

военных властей, Козырев закричал: «Ребята, не выдавайте, я был на войне, да меня не убили, а тут нечего бояться, не убьют, стрелять не смеют и не будут». Этими словами Козырев побудил толпу не расходиться. Привлеченный к следствию в качестве обвиняемого, Козырев, не признавая себя виновным, об'яснил, что 12 марта у квартиры исправника он не был, а 13 марта, хотя и был в толпе около дома горного начальника, но участия в беспорядках не принимал. Доказательств, подтверждающих свое об'яснение, он представить не мог...

6. Полицейские городовые Шиляев, Москвин, Макурин, Мухаметшин и Молин удостоверили, что рабочий завода Алексей Иванович Крылов во время беспорядков 12 марта был одним из главных крикунов, возбуждавших толпу настоятельно требовать освобождения арестованных и не повиноваться распоряжениям начальства разойтись; причем у квартиры исправника, побуждая толпу к насилию, кричал: «бей его, разорви его, тащи исправника» и старался тащить исправника и его помощника с крыльца, хватая их за пальто. 13 марта тот же Крылов был одним из главных руководителей толпы, осаждавшей дом горного начальника, и своими криками об освобождении арестованных подстрекал толпу к сопротивлению властям. Привлеченный к следствию в качестве обвиняемого, А. Крылов, не признавая себя виновным, об'яснил, что 12 марта он около квартиры ротмистра не был, а что в толпе, осаждавшей 12 марта квартиру исправника, а 13 марта дом горного начальника, он хотя и был, но никакого участия в беспорядках не принимал; все это, по об'яснению Крылова, может удостоверить знакомый его, Алексей Решетников. Однако спрошенный в качестве свидетеля, Решетников ссылки на него Крылова не подтвердил...

8. Полицейские городовые Москвин, Баутин, Макурин, Нигаметулин, Мухаметшин и Рылов удостоверили, что обыватель Дмитрий Никифоров Гагарин 12 марта у квартиры исправника, находясь впереди толпы, хватал за штыки ружей солдат, охранявших исправника, и старался схватить последнего за пальто с целью стащить его с крыльца и увлечь в толпу; причем своими криками: «бей его, разорвем!» возбуждал толпу к насилиям; 13 марта, участвуя в беспорядках толпы у дома горного начальника, начал одним из первых кричать, требуя освобождения арестованных, и этими криками возбуждал толпу не расходиться и не подчиняться требованиям властей. Привлеченный к следствию в качестве обвиняемого, А. Гагарин не признал себя виновным и об'яснил, что 12 марта, находясь случайно в толпе, осаждавшей квартиру исправника, он никакого участия в беспорядках не принимал, что могут удостоверить стоявшие с ним Цепилов и Тюмбаров; 13 марта он в толпе около дома горного начальника не был, а работал тогда дома, что удостоверит его работница Наталья Белкина. Допрошенные в качестве свидетелей Цепилов и Тюмбаров ссылки на них Гагарина однако не подтвердили.

9. Жандармский вахмистр Титов, унтер-офицер Щергин и городовой Фахритдинов удостоверили, что рабочий завода Порфирий Михайлов Серединин, участвуя в беспорядках 12 и 13 марта, одним из первых начал кричать о немедленном освобождении арестованных и возбуждал толпу не расходиться и не подчиняться требованиям властей, причем 13 марта, когда прокурор суда и жандармский полковник собирались ехать в тюрьму для допроса арестованных, то он, Серединин, закричал: «не пускать их» и этим криком побудил толпу к тому, что поданная лошадь была задержана и прокурора суда с полковником толпа не пустила исполнить их служебную обязанность. Привлеченный к следствию в качестве обвиняемого, Порфирий Серединин, не признавая себя виновным, об'яснил, что в беспорядках 12 и 13 марта он не принимал решительно никакого участия, а 12 марта даже работал на заводе, что могут подтвердить свидетели Макаров, Артамонов, Сюзев, Осип и Дмитрий Ивановские. Однако, все эти лица, при допросе их в качестве свидетелей, удостоверили, что им неизвестно, где был Серединин до полудня. 12 и 13 марта Серединин был на заводе лишь до семи часов вечера, но где он был после этого времени, они также не знают.

10. По удостоверению полицейских городовых Мухаметшина и Баутина, полицейских надзирателей Андреева и Коноплева, полицейместера завода Уманцева и Ник. Ветошева, заводский конюх из мещан г. Златоуста Дм. Фед. Подречнев 12 марта у квартиры исправника, находясь впереди толпы, требовавшей освобождения Филимошкина и Симонова, своими криками: «хватай, бери» и размахиванием рук подстрекал толпу к насильственным действиям, причем хватал за штыки ружей. Привлеченный к следствию в качестве обвиняемого, Дмитрий Подречнев, не признавая себя виновным, об'яснил, что 12 марта он, проходя мимо квартиры исправника, остановился не надолго, но, боясь быть смятым толпой, тотчас удалился...

31. Помощник исправника Любовицкий, жандармский ротмистр Долгов, полиц. надзир. Андреев и Копылов, полиц. городовые Мухаметшин, Нигаметулин, Шикунов, Баутин, Рылов, Гладкин, Гончаров, Молин, Москвин, Макурин, Егоров и Фахридинов удостоверили, что обывательница Марфа Степановна Филимошкина (жена арестованного в порядке охраны рабочего) явилась к квартире жанд. ротмистра с детьми, бросилась к ногам солдат с причитаниями: «выручите, родимые; отпустите мужа; коли взяли его, берите и детей», чем сильно возбудила толпу, которая с криком: «освободите и бери его, ротмистра» надвинулась на крыльцо; точно так же вела себя Филимошкина у квартиры исправника, положив ребенка к ногам последнего, а затем 13 марта у дома горного начальника. Такое поведение Филимошкиной и просьбы ее, обращенные к толпе, заступиться за мужа действовали на толпу возбуждающим образом и подстрекали ее к насилию и сопротивлению властям. Привлеченная в качестве обвиняемой Марфа Филимошкина, не признавая себя виновною, об'яснила, что, хотя она и была в толпе при беспорядках 12 и 13 марта, но участия в этих беспорядках не принимала; доказать этого не может.

32. Помощник исправника Любовицкий, пол. надз. Андреев, городовые: Нигаметулин, Мухаметшин, Рылов, Макурин, Фахридинов и Копылов удостоверили, что обывательница Анастасия Яковлевна Симонова (мать арестованного в порядке охраны рабочего) вместе с обвиняемой Филимошкиной во время беспорядков 12 и 13 марта возбуждала толпу и подстрекала ее принудить начальствующие лица освободить арестованных; притом, обращаясь к толпе и кланяясь ей, говорила: «Пожалейте детей; хоть вы-то вступитесь, братцы; одна надежда на общество». Привлеченная в качестве обвиняемой, А. С. не признала себя виновной и об'яснила, что во время беспорядков 12 и 13 марта она только просила начальство освободить ее сына, но к толпе с такими просьбами не обращалась...

33. Пол. надз. Андреев и Коноплев, пом. исп. Любовицкий, пол. город.: Шикунов, Молин, Нигаметулин, Редриев, Мухаметшин, Баутин, Макурин, Калимуллин, Копылов и Рылов удостоверили, что обывательница Анна Савельева Рогожникова 12 марта, явившись с толпою к квартире исправника, первая начала требовать от исправника освобождения арестованных и своими криками возбудила толпу; при этом, только стихала, поддаваясь убеждениям исправника, Рогожникова снова старалась побудить толпу к беспорядкам, крича: «Не потакай ему; что его слушать? тащи его; пусть выпустит; он только обманывает нас». Затем, ругая исправника, говорила ему: «Кровопийца ты; вон как крови нашей напился, какой красный стал; берите его; что вы смотрите на него? разорвать его надо». Все эти слова сильно возбудили толпу и подстрекали ее делать натиски на исправника с целью стащить его с крыльца. Привлеченная к следствию в качестве обвиняемой, А. Рогожникова виновной себя не признала и об'яснила, что, хотя в толпе около квартиры исправника была, но участия в беспорядках не принимала; свидетелей указать не может.

На основании изложенного вышепоименованные лица обвиняются в том, что 12 и 13 марта 1903 года в г. Златоусте по предварительному между собой соглашению, с целью понудить правительственные власти освободить из-под стражи рабочих Филимошкина и Симонова, арестованных на основании закона 14 авг. 1881 года, а первые 25 обвиняемых, кроме того, и с целью воспрепятствовать введению на Златоустовском заводе закона 11 марта 1902 г. о приеме новых расчетных книжек с условиями найма на

работы названного завода, вместе с толпою в 2 тысячи человек, не подчинившись законному требованию властей разойтись, произвели уличные беспорядки, осаждая квартиру жандармского ротм. Долгова, уездн. исправника Ключникова и горного начальника Зеленцова, оскорбляли словами и угрожали насилием, а когда для восстановления порядка призваны были войска, то еще настойчивее стали принуждать представителей правительственной власти к несогласному с долгом службы исполнению вышеуказанных их незаконных требований, причем: а) бросали в уездного исправника и в чинов полиции камнями, палками и комками обледенелого снега, хватали исправника за фалды пальто, стараясь увлечь его в толпу; б) с криком: «тяни его в толпу, задушим» набрасывались и на уфимского губернатора; в) хватали за ружейные штыки с целью, повидимому, обезоружить солдат; г) нанесли побои полицейскому надзирателю Коноплеву, полицейским городовым и подпоручику Работкину; д) не допустили прокурора суда и жандармского полковника ехать в тюрьму для допроса арестованных Ф. и С.; е) ломились в дом горн. нач., изломав при этом металлическую решетку и стекла входной двери, а также стекла окон нижнего этажа дома горн. нач. и, наконец, ж) имея при себе не только холодное, но и огнестрельное оружие, произвели выстрелы, контузившие пом. исправника Любовицкого и жанд. унт. офицера Щерегина, вследствие чего и в виду невозможности рассеять двухтысячную толпу чисто полицейскими мерами прекращение означенных беспорядков было возложено на военные власти с предложением командиру Мокшанского батальона действовать оружием, и последнему только после трех ружейных залпов удалось рассеять толпу и таким образом восстановить порядок.

Преступление это предусмотрено 13 и 363 ст. Улож. о наказаниях.

Список лиц, подлежащих вызову к судебному следствию; об'виняемые:

1. Алексей Михал. Пелявин, 2. Алексей Ив. Крылов, 3. Потап Лаврентьев Носков (Ветошев), 4. Евграф. Вас. Шумилов, 5. Михаил Дмитр. Аникеев, 6. Порфирий Мих. Серединин, 7. Андрей Лаврентьев Носков, 8. Степан Филипп. Платонов, 9. Павел Егор. Борисов 10. Николай Емельян. Дьячков, 11. Ив. Ильин Петров (Долинин тож), 12. Ив. Павлов. Шестаков, 13. .... Егорович Борисов, 14. Егор Михайл. Качев, 15. Петр Мих. Козырев, 16. Алексей Ив. Степанов, 17. Николай Серг. Усачев, 18. Григорий Григорьевич Селюнов, 19. Иван Ефимов Счастливцев, 20. Николай Ефимов. Счастливцев, 21. Дмитрий Федор. Подречнев, 22. Василий Григорьевич Андреянов, 23. Александр Григорьевич Уткин, 24. Иван Николаевич Ильин, 25. Иван Серапионов. Васнецов, 26. Александр Семенов. Таратунин, 27. Михаил Макс. Мухин, 28. Дмитрий Никифор. Гагарин, 29. Михаил Михайлов Беркау, 30. Евдокия Васильевна Камнева, 31. Анна Абрамовна Сюзева, 32. Анна Савельева Рогожникова. Содержатся под стражей в уфимской губернской тюрьме, 33. Марфа Степановна Филимошкина, 34. Анастасия Яковлевна Симонова, находятся под надзором полиции.